

ДМИТРИЙ ШИМОХИН

НАСЛЕДНИК 5

Старицкий

Дмитрий ШИМОХИН

Наследник 5

«автор»

2026

Шимохин Д.

Наследник 5 / Д. Шимохин — «автор», 2026 — (Старицкий)

Был банкир, да весь вышел. Вмешался в чужой конфликт и погиб, попав в начало семнадцатого века. Теперь я не денежный воротила, а мальчишка Андрей Белев, обязанный служить и защищать отечество. В Москве ещё царствует Годунов, но Лжедмитрий уже близко. Впереди тяжкие годы смуты и неурядиц. Страна в крови, поляки и шведы топчут ее землю. Спрятаться? Отсидеться за высокой оградой? Нет! Не смогу.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дмитрий Шимохин

Наследник 5

Глава 1

Я молчал, глядя город.

«Победа? – пронеслась в голове злая мысль. – Какой же я дурак».

Это был не триумф. Это был лишь первый акт. Восемь змеиных голов, и каждая норвила укусить. Казна почти пуста, стрельцы ропщут. Наемники бузят и грабят лавки. Поляки грозят войной. Голландец требует серебра за оружие, которое мне жизненно необходимо. А тут еще Бельский с Нагими плетут интриги, нашептывая, что я самозванец, Романовы тайно сговариваются с Игнатием, а по Москве ползет слух, что я велел удавить Шуйского в темнице.

И вишенка на этом смрадном пироге – «воскресший» Дмитрий.

Я охреневал от масштаба свалившихся проблем. Этот список – он ведь наверняка неполный. Завтра всплывет что-то еще. И еще. И так до тех пор, пока я не сломаюсь или не перегрызу им всем глотки.

Надо было начинать. Прямо сейчас. Но с чего? С денег? С армии? Со слухов? Паника – плохой советчик. Я перевел дух. Начинать надо с того, что громче всех лает. С того, что показывает твою слабость прямо сейчас.

Я посмотрел на Власьева, который ерзал на лавке, явно нервничая больше других.

– Афанасий Иванович. Посол Гонсевский требует освобождения Мнишек и остальных?

– Требует, княже, – устало подтвердил дьяк. – Опять поди будет у ворот... Войной грозитя...

– Войной, – я холодно усмехнулся. Вот и первая голова. – Передай послу, Афанасий Иванович, вот что. – Я сделал паузу, и все в кабинете подались вперед. – Передай: если пан посол так спешит к своему королю с жалобами, я дам ему лучшего коня из моей конюшни, бумагу и перо. И пусть едет из Москвы с богом хоть сейчас. И обратно мы его не ждем.

В кабинете повисла звенящая тишина. Народ остолбенел от такой дерзости. Даже дядя Олег удивленно крикнул. Выгнать посла Речи Посполитой – это был шаг, граничащий с объявлением войны.

– А до тех пор, – закончил я, – пока он здесь, пусть сидит тихо. Ибо Мацей и прочие его соотечественники сидят в подклете по обвинениям в покушении на царского родича, и сыск по их делу только начинается.

Власьев с каким-то странным облегчением на лице, кивнул.

Я обвел взглядом остальных. Они поняли. Я показал, *кто* в доме хозяин. Проблема по крайней мере, на время, была решена. Теперь можно было браться за главную – за деньги.

– А теперь к главному, – я потер переносицу, сгоняя остатки хмеля и усталости. – Деньги.

При этом слове все в кабинете подобралось.

– Афанасий Иванович, – обратился я вновь к дьяку, который остался стоять у стола, – что у нас в казне?

Он поспешно развернул счетную роспись, и я заметил, как дрожат его пальцы.

– Плохо, княже, – начал он тихо, почти шепотом. – Дела наши неважные. Казна, что мы приняли, составляла сорок тысяч рублей. Из них десять тысяч ушло на поминки государя Дмитрия, да пять тысяч на похороны. Еще тысячи две – на порох и провизию для твоего похода. Итого расход – семнадцать тысяч.

Я кивнул, следя за его пальцем, ползущим по столбцам. *«Значит, осталось двадцать три тысячи. Уже что-то».*

– А с тем что у Головина и Шуйских забрали? – спросил я.

Власьев тяжело вздохнул.

– Серебром взяли мало, княже. У Головина да Шуйских по подворьям ссыскали... Пять у Головина, восемь у Шуйских, да три прочих. Остальное – рухлядь: шубы, утварь, посуда... Это еще продавать надо. Отряд, что в Коломну к родичу Головина послан, за остальным, еще не вернулся.

Я быстро прикинул в уме. Двадцать три тысячи оставалось. Шестнадцать тысяч нашли.

– Значит, в казне сейчас... – мрачно подытожил я, и мой голос упал, – ...тридцать девять тысяч рублей.

Я медленно обвел взглядом понурые лица.

– На все государство. Это не казна, это слезы.

В палате повисла гнетущая тишина. Тридцать девять тысяч – капля в море.

– Княже, – осторожно подал голос князь Одоевский, пытаюсь найти выход. – А как же украшения царицы Марины? Покойный государь на них извел, по слухам, тысяч сто! Продать их – и казна полна!

Я качнул головой, отгоняя эту мысль.

– Продать? – горько усмехнулся я. – А кто купит? Сейчас? За такие деньги? Ляхи? Им не до того. Купцы наши? У них столько нет. Нет, это долгие деньги. А мне нужны быстрые.

Я повернулся к Елисею.

– Елисей! Вся рухлядь, что у изменников взяли, – шубы, посуду, – все на торг. Пусть Савка Кожица этим займется, все равно без дела тут сидит. Пусть продает. Хоть какие-то деньги, а ты приглядишь.

Елисей кивнул. Все снова понурили головы. Этого было явно недостаточно, чтобы решить проблему. Мы уперлись в стену.

И в этот момент тишину нарушил спокойный, ровный голос Михаила Скопина-Шуйского.

– Андрей Володимирович, – он выступил вперед, и все взгляды, удивленные и настороженные, устремились на него. Он был бледен, но держался твердо. – Коли речь зашла о деньгах... Я знаю, где дядя мои хранили не рухлядь, а *основную* казну.

Я вперился в него взглядом. Бояре подались вперед, не веря своим ушам.

– Не в Москве, – продолжил Скопин, глядя мне прямо в глаза. – В Шуе. В вотчинных землях. В погребе. Еще со времен деда моего, там хранят. Наверняка там все.

До этого мрачный я не смог сдержать улыбки. Она, должно быть, выглядела злой и хищной. Я медленно подошел к Скопину, игнорируя ошарашенные лица остальных, и тяжело положил ему руку на плечо.

– Михаил Васильевич... ты только что спас нас всех, а может и землю нашу. Дядя Поздей! – повернулся я к родичу.

– Да Андрей Володимирович, – сразу он откликнулся.

– Набирай сотню жильцов Московских! – Я снова посмотрел на Скопина. – Ты, Михаил Васильевич, едете в Шую. Вытрясти все. До последней полушки! То что принадлежит им.

В кабинете сразу стало будто бы свободнее. Появилась надежда.

«Хорошо», – подумал я, переводя дух. *«Главная проблема – с казной – решается. По крайней мере, есть надежда. Теперь можно заткнуть остальные дыры тем, что имеем. И...»* – я потер лоб. *«...нужно послать сигнал. Громкий. Наглядный».*

«Они шепчутся, что Дмитрий жив? Что я узурпатор? Прекрасно. Я не могу заткнуть каждый рот в Москве. Но я могу дать им зрелище, которое заставит их замолчать. Вор Петрушка... он не просто пленник. Он – мой главный козырь. Его казнь будет не просто наказанием. Это

будет урок. Урок для всей Москвы, что бывает с теми, кто крадет чужое имя! Могила Дмитрия в Архангельском соборе – это одно. А виселица для Петра на Лобном месте – это другое».

Я повернулся к Воротынскому. Взгляд мой, должно быть, стал ледяным.

– Иван Михайлович!

Старый боярин выпрямился, ожидая приказа.

– Хватит вору Петрушке небо коптить и казну нашу жрать. На Лобном месте сколотить высокую виселицу. Чтобы видно было с другого конца площади. А завтра по утра повесить при всем честном народе.

Я обвел взглядом всех присутствующих, чтобы они поняли – это не обсуждается.

– И пусть дьяки кричат во весь голос, за *что* его вешают. За самозванство. За воровство имени. За кровь, что он пролил. Пусть Москва видит, каков конец *каждого*, кто посягнет на трон и на порядок.

На суровом лице Воротынского мелькнуло одобрение. Он сурово кивнул. Этот приказ был ему по душе.

– И второе, – я повернулся к Власьеву. – Чтобы унять слухи о пустой казне. Всем стрельцам, что со мной в походе были, – по рублю на брата. Всадникам – по полтора. Семьям погибших – по пять рублей.

Власьев ахнул. Его лицо, только что порозовевшее от надежды на шуйские деньги, снова стало белым.

– Княже! Да мы ж казну... мы ее опустошим до дна! Мы не дотянем...

– Выполнять! – отрезал я. – Войско должно знать, что служба – это не только кровь проливать, а еще почет и богатство. Что о семьях погибших за веру мы позаботимся и не бросим. А казна, Афанасий Иванович, скоро пополнится.

Я посмотрел на Скопина-Шуйского.

– Михаил Васильевич. Перед отъездом. Казаков определить пока на постой в Рогожской слободе. Елисей и Василий Бутурлин за ними присмотрят, пока ты в Шую едешь. А как вернешься – займешься ими. Сделаем из них полк.

Скопин, получивший второе ответственное поручение за утро, поклонился низко, его глаза блеснули.

Я повернулся к Власьеву, который все еще стоял у стола.

– Афанасий Иванович, мы тут о деньгах да о ратях... А что Собор? Срок близится. Народу на Земский сбор съезжается?

Дьяк тут же подобрался, его деловитость вернулась.

– Съезжаются, княже. Слава Богу, съезжаются. Из Рязани прибыли выборные, из Твери. Новгородцы здесь, Смолене... Нижегородцы твои, опять же, прибыли с тобой. Делегаты от духовенства, от служилого люда... Многие уже в Москве, ждут.

Я удовлетворенно кивнул, но Власьев тут же нахмурился, добавив ложку дегтя:

– Только до даты Собора, что мы назначили на конец июля, осталось чуть меньше **четырёх седмиц**. А многие еще в пути. Да и те, что здесь, княже... – он понизил голос, – ...робеют. Не знают, куда приткнуться. Вот они и жмутся по подворьям, боятся нос высунуть.

Я резко выпрямился.

– Это непорядок.

Мой голос прозвучал тише, чем я ожидал, но от этой тишины бояре – Воротынский, Одоевский, Хованский – напряглись.

– Это – наши гости. Важнейшие люди земли Русской. И они должны чувствовать себя здесь хозяевами, а не сиротами, загнанными в угол.

Я посмотрел на Волынского, как на главу Стрелецкого приказа, и на Власьева, как на главу приказов гражданских.

– Значит так. Первое: всем, кто уже прибыл – немедленно выделить постой с удобством. Не по избам тесным да промерзлым, а на подворьях что попримечнее. Тех же Шуйских, Головиных – палаты у них теперь пустуют. Расселить! Второе: еду и питье поставлять им с государственной кухни. Достойную еду! Хлеб белый, мясо, меды. Чтобы не по кабакам харчились.

Я сделал паузу и обвел бояр тяжелым взглядом.

– И передать особо, что об этом **князь Андрей Старицкий** позаботился.

Я видел, как переглянулись Одоевский и Хованский. Они-то мой ход поняли. Это была не просто забота. Это была прямая, неприкрытая покупка лояльности. Пока одни бояре будут плести интриги и пускать слухи, я буду кормить и греть тех, кто будет решать мою судьбу.

– И третье, – закончил я, снова обращаясь к Власьеву. – Мне нужны списки. Кто и из каких городов прибыл. А кто еще нет. Я должен знать, вся ли земля будет на Соборе представлена.

На мои слова Власьев переглянулся с Воротынским и отвесил поклон. Я же махнул рукой показывая, что народ может расходиться.

«Ну вот. Кажется, дыры залатал», – я потер уставшие глаза. «Казнь вора и жалование войску успокоят город. По крайней мере, на время. Деньги на пополнение казны – в пути. Наемники подождут... А вот слухи... о живом Дмитрие... и о Бельском... Этих просто словами заткнешь. Тут дело посерьезнее будет».

Дверь за последним боярином – кажется, это был Волынский – закрылась. В кабинете, пропитанном запахом воска и ночной тревоги, остались только самые близкие.

Я потер виски. В кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечи. Дед Прохор мрачно сидел на лавке, дядя Олег стоял у окна, глядя в темноту. Дядя Поздей рассматривал свой кулак, а Прокоп так и стоял возле стеночки и не отвечивал, видимо считая себя лишним.

– Мнишеки – это наша головная боль. Как они себя вели, пока меня не было? – уставился я на Прокопа.

Он мрачно усмехнулся.

– Тихо, княже. Как мыши под веником. Боятся. Пан воевода все о пощаде лепечет. Просится домой, клянется, что и думать забудет про Москву.

– А дочка его?

Лицо Прокопа тут же стало жестким.

– А вот дочка его... Марина... эта – змея. Молчит, смотрит волком, но не сломлена. Ждет. – Он понизил голос. – Поляки, что в Кремле остались, пытались к ней весточку передать, да мы поймали одного. Так что глаз да глаз за ними нужен.

Я кивнул. Ожидаемо. Эта пани еще доставит мне хлопот.

Тут в разговор вмешался дед Прохор. Он не смотрел на меня, а буравил взглядом столешницу, но я знал – его слова обращены ко мне.

– К Василию Шуйскому по утру пришли, – прохрипел он. – А он и мертв.

Он поднял на меня свои старые, внимательные глаза.

Я медленно кивнул, встречая его взгляд.

– Помер пес, да и черт с ним, – ответил я так же тихо. – Собаке собачья смерть. А что болтают... – я махнул рукой, – ...так поболтают и перестанут. Мало ли о чем им еще болтать.

Тема была закрыта. Дядя Олег, стоявший у окна, лишь хмыкнул, не оборачиваясь.

Я посмотрел на деда.

– А Иезуиты? – спросил я. – Чернецы эти. Удалось из них что новое вытрясти? Что-нибудь, кроме тех имен, что Мнишек сдал?

На лице деда, до этого усталом и хмуром, впервые за вечер появилась странная усмешка. Смесь удивления и какой-то мрачной иронии.

– Удалось, Андрюша, – медленно проговорил он, будто пробуя слова на вкус. – Удалось. И ой много они наболтали...

Я подался вперед. Дядя Олег и Поздей с Прокопом, тоже напряглись.

– ...Некоторые даже болтали, – дед понизил голос и инстинктивно покосился на закрытую дверь, – что царь наш... Дмитрий... не настоящий.

Глава 2

Дедовы слова повисли в густом воздухе кабинета. Тишина стала такой плотной, что, казалось, ее можно потрогать.

Дядя Олег, мгновение назад готовый к любому делу, застыл, будто ему в спину ткнули ножом. Дядя Поздей мрачно насупился, его кулаки, лежавшие на коленях, сжались так, что побелели костяшки. Один Прокоп, недвижно стоявший у стены, казалось, и ухом не повел. Его лицо не выражало ничего.

Первым тишину нарушил дядя Поздей. Он шумно сглотнул, и звук этот в тишине прозвучал оглушительно.

– Не... неужто правда? – прохрипел он, глядя не на деда, а куда-то в стол.

Все взгляды – тяжелый Олега, неподвижный Прокопа, удивленный деда – тут же впились в него. Он осмелился произнести это вслух.

Я поднял руку, пресекая готовый разразиться спор.

– Может, и врут, – сказал я ровно, хотя сердце стучало о ребра, как таран. – У Дмитрия мы уже не спросим, – я обвел их тяжелым взглядом. – Но мать его признала. Перед всей землей православной.

Я усмехнулся, но усмешка вышла злой и холодной.

– А коли и правда? – Я подался вперед, понижая голос. – Коли правда, то что ж получается? Что Василий Шуйский был прав? Что он не изменник, а правдорубец? И что это мы с вами за самозванца заступились? И это мы сейчас должны болтаться на виселице на Лобном месте?

– Кхм, – выдал дед.

– Так что, где теперь правда, а где ложь – и не разберешь. И нам разбираться в этом – гибель.

Я посмотрел на деда Прохора.

– Кто еще слышал это?

– Только палач, – глухо ответил дед. – Да тот не проболтается. Языка у него нет. Давненько вырвали, чтобы не болтал, – он хмыкнул...

– Хорошо, – кивнул я. Я медленно обвел взглядом свой ближний круг, мою единственную настоящую опору.

– Значит, так. – Я начал чеканить каждое слово. – То, что вы сейчас слышали, вы должны забыть. Будто и не было этого никогда.

Я видел, как они кивают. Понимают.

– Наша правда – другая. Царь Дмитрий Иоаннович был настоящий. Его признала мать, ему присягнула Москва. А Василий Шуйский – изменник и клятвопреступник. – Он же сам, сначала орал, что Дмитрий в Угличе убит, а потом признал его, когда выгодно стало. Целовал ему крест. А потом снова – «не настоящий». Как ему выгодно было, так и поворачивал.

Я ткнул пальцем в сторону.

– Так и здесь. Сказали они это, чтобы распря между нами посеять. Чтобы мы сами друг другу в глотки вцепились, решая, кто настоящий, а кто нет.

– Верно говоришь, – пробасил дядя Олег, наконец оправившись от шока. – Смутьяны.

– Точно, – кивнул Поздей.

– Вот именно. А раз они смутьяны... да еще и знают то, чего знать никому не положено... – Я посмотрел на деда. – Деда. Они слишком много знают. И слишком много болтают. – Тихо их удавить. Всех. Сегодня же ночью. Чтобы и следа не осталось. Как и не было.

Дед Прохор молча, тяжело кивнул. Это был приговор.

– Это не всё, Андриюша, – глухо проговорил он, прерывая молчание.

У меня поднялась бровь вопросительно.

– Чтобы спасти свои шкуры, чернецы сдали всех, кого знали. А у них тут, в Москве, целое гнездо свито. Разные люди шепчут им о делах московских, да грамотки слали о том.

«Вот оно как» – промелькнуло в мыслях, ну что-то такое и должно было быть.

– И не одни ляхи, – продолжил дед, загибая мозолистые пальцы. – Купчишки, трое. Двое служилых. А что хуже всего, – он понизил голос, и от этого шепота у меня по спине пробежал мороз, – пара дьяков в приказах. Один в Посольском сидит, другой – в Разрядном.

Я стиснул зубы.

– А на закуску, – криво усмехнулся дед, – сдали троих соглядатаев крымского хана, что на Татарской слободе пригрелись.

Этого дядя Олег стерпеть уже не мог. Он вскочил на ноги, его лицо залила багровая краска. Рука инстинктивно дернулась к поясу.

– Предатели! – взревел он. – Продались ляхам да басурманам! Всех схватить! Нынче же! На кол посадить, прилюдно! Чтобы другим неповадно было!

– Тихо, дядя.

Мой голос прозвучал спокойно, но от этой тишины Олег замер. Я остановил его жестом.

– Перевешаешь ты этих, – медленно проговорил я, – а завтра пришлют новых. Неизвестных. А эти, – я усмехнулся, и усмешка эта, должно быть, выглядела жутко, – эти нам *известны*.

Я видел, как гнев на лице дяди Олега сменяется недоумением.

– Лучше известный соглядатай, чем неизвестный, – пояснил я, вставая из-за стола и подходя к нему. – Убьем их сейчас – и ослепнем. А так... мы точно знаем, *кому* враг верит. – Я обвел их всех тяжелым взглядом. – Значит, мы можем скармливать им то, что *нужно* нам. Пусть докладывают, что князь Старицкий слаб, что казна пуста, а войско ропщет. Пусть верят.

Я вернулся к столу.

– Никого не трогать, – отрезал я. – Присматривать будем, тихо, незаметно.

Дав с десятков секунд осмыслить сказанное мной, я продолжил.

– Теперь главное, – я прошелся по кабинету, останавливаясь перед столом. – Того, что мы вытрясли из Головина и Шуйских, сильно делу не поможет. А Шуйские деньги из вотчины когда еще будут и будут ли вообще. Мне нужны мои деньги.

Я посмотрел прямо на Прокопа.

– Возьмешь два десятка из моего полка, – приказал я. – Едешь в Старицу, якобы проведать жену.

Прокоп коротко кивнул.

– На месте, – я загнул палец, – первое: узнаешь, как там казаки, которых мы на работы отправили и справляется ли Степурин с ними. Второе: выяснишь, вернулся ли Илья с конями... и с теми, кого я с ним отослал.

Я сделал паузу и понизил голос, хотя в комнате и так не было никого, кто мог бы подслушать.

– И главное. Заберешь мою казну. Кажись там тысяч четырнадцать рублей, по сундукам. Дядя Олег удивленно хмыкнул, услышав сумму, но промолчал.

– Так, что готовься, да отправляться завтра можешь после казни Петрушки, по пути коли где заночуешь рассказывай, что видел обо мне, дабы добрая молва шла.

– Сделаю княже, – ровным голосом ответил Прокоп.

– Все, – я махнул рукой. – Дел много. Расходитесь. Выполняйте.

Родные молча поднялись.

Дверь закрылась. Я остался один в тишине кабинета, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Все шестеренки были запущены.

Я подошел к окну и усмехнулся про себя, но усмешка вышла злой.

Какой же я был идиот.

Когда я только очнулся в этом мире, думал, что все будет просто. Зная историю, я представлял себя игроком, который легко обойдет все ловушки, зная, где они расставлены. Думал, достаточно будет свергнуть одного зарвавшегося самозванца, навести порядок, и вот она – благодарная Русь у моих ног.

Как же я ошибался.

Это была трясина. Топь.

Ты делаешь один твердый, как тебе кажется, шаг – и тебя тут же засасывает по колено. Ты пытаешься вытащить одну ногу, опираешься на вторую – и увязаешь еще глубже. Чем дальше идешь, тем больше погружаешься.

Ввязался в эту игру, и теперь она диктовала свои правила. Успевай только головой вертеть и думать, откуда прилетит.

Я только что, не моргнув глазом, отдал приказ тихо удавить семерых человек. Я вру боярам про «настоящего» царя, которого сам же считаю лжецом.

А враги? Они плодятся, как тараканы в теплой избе. Слухи о «воскресшем» Дмитрие. Интриги Романовых и Бельского. Крымские соглядатаи.

Солнце стояло уже высоко – близился обед.

«Хватит сидеть», – решил я.

Я поправил тяжелый кафтан и шагнул к двери.

– Дядя, – кивнул я Олегу, который тут же выпрямился, отлепившись от стены. – Со мной.

Мы вышли из царского дворца на свежий воздух. После тяжелых разговоров в кабинете Кремль, залитый ярким полуденным светом, казался другим. Он жил.

Вдоль стен мерным шагом ходили усиленные патрули стрельцов с бердышами на плечах.

Мимо нас, торопливо кланяясь, пробежали дьяки с охалками свитков. Челядь испуганно жалась к стенам, давая нам дорогу.

Мы пересекли Соборную площадь и подошли к массивным, отдельно стоящим воротам Патриаршего двора. Здесь, в отличие от царских палат, было тихо и чинно. У входа дремал сонный монах-привратник в черной рясе.

– Подожди здесь, – бросил я дяде.

Он недовольно крякнул – не любил он, когда я оставался один, – но промолчал, прислонившись к косяку ворот.

Монах, вскочив, испуганно захлопал глазами, узнав меня, и низко поклонился. Я, не дожидаясь, сам толкнул тяжелую дверь и вошел в сени Патриарших покоев.

Здесь, в Крестовой палате, было жарко и душно. В воздухе густо пахло ладаном, старыми книгами и лампадным маслом.

Сам Иов сидел на простой дубовой лавке. Он просто сидел, положив костлявые, покрытые старческими пятнами руки на посох, и, казалось, дремал. На нем была простая черная ряса и теплый клубок.

Услышав мои шаги, он медленно, со скрипом, повернул голову. Его глаза, выцветшие, но ясные, уставились на меня.

Я низко, как и подобало, поклонился.

– Отче. Не спишь? Я пришел о здравии твоём поинтересоваться.

Иов усмехнулся, но усмешка вышла сухой и безрадостной.

– Какое уж тут здравие, княже, – проскрипел он. – Хвор я и стар. – Отдохнуть бы мне. На покой уйти. Чует сердце, не долго мне осталось... А меня опять в самое пекло.

Я видел, что он не лукавит. Он действительно был измотан.

– Прости, отче, – я сочувственно кивнул, присаживаясь на лавку, напротив. – Что вновь взвалил эту ношу на тебя. Знаю, не по силам она.

Он удивленно вскинул на меня свои ясные глаза.

– Но кому, как не тебе, – продолжил я мягко, – это дело вершить? Грека Игнатия народ и даром не примет. А ты – первый, законный патриарх. – Я подался вперед. – Я готов отпустить тебя, отче. На покой. С почетом, в любой монастырь, какой выберешь.

Его глаза блеснули. Я видел, что попал в цель.

– Но после Земского собора, – добавил я. – И как повенчаешь нового царя.

Иов понял. Это был торг. Он откинулся на спинку лавки, и на его губах мелькнула хитрая, старческая усмешка.

– Что ж, – произнес он, – коли так... – Он тяжело вздохнул, словно принимая неизбежное. – А кого венчать-то будем, княже? Уж не тебя ли?

Ловко. Я усмехнулся в ответ, разводя руками.

– Рад бы от этой ноши отказаться, отче, – сказал я с показной грустью. – Да перекинуть-то не на кого. Кругом либо изменники, либо... – я многозначительно замолчал.

– Ну-ну. Смиранный ты наш, – снова поддел он, и в глазах его мелькнул озорной огонек. – Знаем мы таких смиренных.

Он снова стал серьезным.

– Ладно. Шутки в сторону. Слух идет, что грек Игнатий да Филарет Романов воду мутят. – Они сейчас во власти церкви, – продолжил я. – Мне вмешиваться не с руки. Негоже. А смутьянов этих унять надобно, пока они всю воду не взбаламутили перед Собором.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Прошу тебя, отче. Игнатия... отправь куда подальше. В монастырь какой-нибудь глухой, грехи замаливать. А Филарета... – я сделал паузу, – ...верни, где сидел. В Антониев монастырь. Под строгий надзор.

– В Сийский, значит... – пробормотал Иов.

– Туда. А как вернешь, – добавил я, – я сам с ним поговорю, потом.

Иов надолго задумался. Он взвешивал. С одной стороны – каноны, с другой – государственная нужда. И мое обещание долгожданного покоя.

– Тяжкий грех на душу берешь, князь, – наконец произнес он. – В дела духовные мирским мечом лезешь.

– Я лишь прошу навести порядок в *твоем* доме, отче.

Он снова вздохнул.

– ...Но ты прав. Смутьяны. Уберу. Будет, по-твоему.

– Благодарю, отче, – я встал и поклонился, а потом сел обратно на лавку.

– Отче, – я помедлил. – Скоро уж собор будет, а как там и что я не ведаю.

Иов посмотрел на меня с удивлением.

– Ты был в самом сердце, когда Бориса на царство ставили. Как это... по-настоящему... происходит? Как решать будут?

Иов усмехнулся. В этом была его стихия, его знание, его власть.

– Это не дело одного дня, князь, – он выпрямился, и усталость на миг отступила. – Это... действие. – Он постучал костлявым пальцем по столу. – Ты думаешь, это как на торгу, кто громче крикнет? Нет.

Он начал объяснять, а я слушал, впитывая каждое слово.

– Собор – это вся земля. Три части, три «чина», как мы их зовем. Первое – «голова». Это мы, Освященный собор – все высшее духовенство. И с нами же Боярская дума.

Я кивнул. Это понятно. Верхушка.

– Второе – «руки». Это «Государев двор». Все твои стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки приказные. Вся военно-служилая и приказная сила.

– А третье? – спросил я.

– А третье – «опора». Сама «земля». Выборные из городов, дети боярские, верхушка купечества, гости.

Я лишь кивал, на каждое слово патриарха.

– И вот они все соберутся в Грановитой палате... – начал я.

– Нет! – Иов прервал меня с неожиданной резкостью. – В том-то и хитрость, княже. Вместе они только на молебне стоят. А *думают* – порознь. Мы, духовные и бояре – отдельно. Служивые – отдельно. Земля то же, сам по себе.

– Как же тогда решают? – не понял я.

– А так, что нет там *голосования*, как ты, поди, думаешь, – в его глазах мелькнула насмешка. – Есть *мнение*. Ты, как глава Думы, ставишь перед ними вопрос. Они расходятся по своим палатам и совещаются. А потом... – он сделал паузу, – ...каждая курия подает свой «*приговор*», да на бумаге. И если во всех трех приговорах будет одно имя... вот, то и есть воля Божья и всей земли. Не крик, а письменный *уговор*.

Я замер. Это меняло все. Мне нужно было обеспечить не просто поддержку толпы, а три отдельных, согласованных решения.

– Но и это не все, – продолжал Иов, видя мое потрясение. – Твой Собор, княже, не простой. Не *совещательный*, как при Иоанне Васильевиче, когда царю совет давали. Твой Собор, как и тот, когда Федор помер, он выбирает.

Он подался вперед, и его глаза впились в меня.

– А это, княже, – чин. Когда мы Бориса избирали, одного «*приговора*» в Кремле было мало. Нужно было *представление*. Мы шли крестным ходом к Новодевичьему. Мы «умоляли» его. Он «отказывался». Потому что нельзя хотеть власти явно – это гордыня, грех. И только когда «народ», который мы согнали, завыл и заплакал, он «нехотя» согласился, будто жертвуя собой.

«Чертов театр, – подумал я. – Спектакль, срежиссированный от начала и до конца».

– А потом, – Иов договорил, – мы подписали Грамоту. Утвержденную грамоту. Это был... наш *уговор*. Крестоцеловальная запись. Он держался на клятве, на бумаге.

Он откинулся на лавку, его голос стал тихим, но полным силы.

– И в этом была его *власть*, князь. От Бога, но и по выбору всей земли – тоже от Бога. Ибо глас народа – глас Божий. Ты же можешь власть и по крови получить, ибо ты урожденный Калитич, но то что собор созываешь, то верно. Меньше потом мордами кривить будут ежели что. Ты в своем праве.

Он поднял на меня свой пронзительный взгляд.

– Помни это, князь, когда будешь свой Собор собирать. Борис был избран законно, но пал, ибо народ увидел в Великом голоде Божий гнев. Люди решили, что Господь *не одобрил* тот выбор.

Он подался вперед, и его костлявый палец почти ткнул меня в грудь.

– Посему твой Собор должен быть не *простым*. Он должен быть *праведным*. Если «земля» почувствует обман или принуждение... если они увидят в твоём выборе не волю Бога, а твою личную волю... то никакой «*приговор*» не удержат Русь от новой, еще более страшной смуты.

Я медленно кивнул. Я получил то, что хотел. Не просто благословение, а правила игры. И они были куда страшнее, чем я думал.

– Благодарю, отче. Ты открыл мне глаза.

– Отче, раз уж Собор скоро, а там и ты на покой. Тебе приемник нужен, тот кто место тебя встанет. Достойный и мудрый, кто и совет царю будущему дать сможет, и уважать которого будут. Ты подумай, кто может стать патриархом в будущем. Да в Москву зови, надо на него поглядеть, – улыбнулся я, и поклонился, с искренним уважением к этому старому, хитрому политику в рясе, и вышел из кельи.

Дядя Олег, ждавший снаружи, вопросительно посмотрел на меня.

В голове уже билась одна мысль: «Представление. Значит, мне нужен не только Собор. Мне нужен хороший *устроитель* этого действия».

– Пойдем, дядя, – сказал я, сворачивая к оружейным палатам. – Размяться надо.

Он усмехнулся.

– Давно пора, княже. А то засиделся ты за бумажками, как дьяк приказной.

Мы вышли на задний двор. Скинув тяжелые кафтаны, остались в одних рубахах. Холодный воздух приятно остужал разгоряченную голову.

– На тупых саблях? – предложил Олег, разминая плечи.

– На боевых, – отрезал я. – Только без дури.

Мы встали друг напротив друга. И в следующую секунду мир сузился до лязга стали. Дядя Олег был силен, как медведь, каждый его удар был рассчитан на то, чтобы проломить оборону. Я же был быстрее и хитрее.

Я не дрался – я фехтовал, уходя с линии атаки, заставляя его массивное тело проваливаться в пустоту.

Звяк!

Я отбил его удар и тут же ответил выпадом, целя в плечо.

– Ого! – выдохнул он. – А князь-то наш зубы отрастил!

Были только я, он и сталь. Я выплескивал всю злость и напряжение.

Дзынь!

Наши клинки скрестились у самого лица. Мы стояли, упершись друг в друга, тяжело дыша.

– Хорош, – прохрипел я, отталкивая его.

– И ты не промах, – выдохнул дядя, вытирая пот со лба.

Я опустил саблю. Мышцы приятно гудели, голова прояснилась.

– Пойдем, дядя. Дела... сами себя не разгребут.

Остаток дня прошел в том самом «разгребании». Я ощущал себя тем самым Гераклом, чистящим авгиевы конюшни, только конюшни эти были размером со всю Русь.

Приходили бояре из моего «регентского совета». Власьев принес роспись по прибывающим делегатам Собора – кого, где селить, чем кормить. Хованский отчитался об усилении патрулей на улицах.

Это была нудная, тягучая, бесконечная работа по удержанию власти, которая норовила утечь сквозь пальцы.

Ночь принесла тяжелый, чуткий сон без сновидений. Я провалился в него, как в холодную воду, и вынырнул еще до рассвета.

Меня разбудил не крик петухов. Меня разбудил звук.

Тук... Тук... Тук...

Глухой, мерный, деревянный стук, доносившийся издали, со стороны Красной площади.

Я сел на лавке, вслушиваясь.

Тук... Тук... Тук...

Это стучали молоты.

Я встал и подошел к окну. Серое, стылое утро едва брезжило над зубцами кремлевской стены. Там, на Лобном месте, едва различимые в утренней мгле, копошились люди. Они сколачивали виселицу. Высокую. Чтобы видно было издали.

Сегодняшний день настал. Утро казни Петра. Это было не просто наказание вора. Это был мой ответ всем. Ответ тем, кто шепчется, что Дмитрий жив. Ответ тем, кто сомневается в моей решимости. Ответ тем, кто считает меня «временщиком».

Спустя пару мгновений появился слуга, но я отмахнулся от него.

Я не стал надевать парадный боярский кафтан. Я молча затянул ремни на походном доспехе – том самом, в котором вернулся с победой. Пусть видят не боярина-интригана, а воеводу. Судью.

Дядя Олег уже ждал меня за дверью, мрачный и собранный.

– Пора, княже, – глухо сказал он.

Я кивнул.

– Пора.

Глава 3

В полумраке перехода маячил сонный слуга – вихрастый парень в мятом зипуне, который при виде нас вжался в стену, сгибаясь в поклоне.

Я притормозил, глядя на него. В голове, занятой мыслями о плахе и толпе, вдруг всплыла одна деталь. Важная.

– Эй, ты! – окликнул я парня.

Тот вздрогнул и вытарашил глаза.

– Беги в тюремный приказ. Найди там главного. Скажешь – мой наказ: вора Петрушку сейчас же отмыть.

Слуга открыл рот, но звука не издал.

– Ты меня слышал? – рявкнул я. – Воды не жалеть. Отмыть дочиста, чтобы ни грязи, ни крови, ни вшей. И одежду сменить. Рубаху ему дайте чистую, белую. Порты новые. И накормить. Каши с маслом, да побольше.

Дядя Олег, шедший чуть впереди, остановился и медленно обернулся. Его густые брови поползли на лоб.

– Чтоб стоял на ногах твердо и от голода ветром его не качало, – закончил я. – Бегом!

Парень, спотыкаясь и путаясь в ногах, сорвался с места и исчез за поворотом.

– Чудишь ты, Андрей, – проворчал Олег, когда мы двинулись дальше. Голос его гулко отражался от сводов. – На кой ляд пса этого ублажать перед смертью? Каша с маслом...

Я усмехнулся, на ходу поправляя перевязь с саблей.

– Не чудю, дядя. Расчет это.

Я покосился на него.

– Если мы выволочем на Лобное место грязного, избитого, оборванного доходягу, народ что увидит? Поди мученика. Несчастливого. Бабы жалеть начнут, слезы лить: «Ох, замучили сиротинушку». А жалость, дядя не для него.

Мы вышли на широкое крыльцо. Холодный утренний воздух ударил в лицо.

– Нет, – продолжил я, сбегая по ступеням. – Народ должен видеть не забитого зверька, а *преступника* и злодея. Который чист, сыт, одет, но идет на плаху за свои черные дела против Бога и Государя. Мы не расправу чиним над убогим. Мы суд вершим. Справедливый и строгий.

Олег помолчал, обдумывая, потом крякнул и одобрительно кивнул:

– Мудро. Голова у тебя, племяш... боярская.

– На площадь? – спросил он, когда мы подошли к коновязи, где уже переминались наши кони.

– Нет. Сначала – к Богу.

Я развернулся в сторону Успенского собора.

Это было важно. Люди должны видеть: князь Старицкий не кровопийца, которому не терпится дернуть за веревку. Князь Старицкий – правитель, который исполняет тяжкий долг. И перед этим долгом он смиряет гордыню.

Внутри собора было сумрачно и торжественно. Мерцали свечи, отражаясь в золотых окладах. Служба уже шла.

Я прошел вперед, на свое место, ближе к алтарю. Встал прямо, не горбясь, но и не задирая носа. Перекрестился истово, широко.

Бояре, уже собравшиеся здесь – и Власьев, и Воротынский, и прочие, – косились на меня. Они видели мою сосредоточенность, мое спокойствие. Я чувствовал их взгляды спиной.

«Смотрите, – думал я, кладя поклон. – Смотрите и запоминайте. Я караю не по злобе. Я караю по закону. И Бог мне в этом судья».

Отстояв службу до конца, я приложился к кресту. На душе стало пусто и холодно, как в леднике. Все лишнее ушло.

Я вышел из собора на свет.

– Коня, – коротко бросил я.

Время пришло.

Красная площадь гудела. Это был не праздничный звон, а низкий, утробный гул огромного зверя, который ждет кормежки. Тысячи людей заполнили все пространство от собора Василия Блаженного до кремлевских стен. Народ висел на крышах, лепился к заборам, стоял плечом к плечу.

Я выехал из Спасских ворот верхом на Черныше. Рядом, стремя в стремя, ехал дядя Олег.

Мой взгляд сразу выцепил в этой людской каше островки порядка. Волынский свое дело знал туго. Жильцы и стрельцы, переодетые в простое платье, но с тяжелыми кулаками, стояли в толпе, разбивая ее на части, не давая собраться в единую волну. Любого кликушу, что вздумал бы сейчас крикнуть лишнее, задавили бы в зародыше.

Сам Волынский, стоявший у самого эшафота во главе оцепления, встретился со мной взглядом и едва заметно кивнул. Все под контролем.

Я остановил коня недалеко от Лобного места, так, чтобы меня видели все. Но прежде чем начать действие, я сделал знак рукой.

Из боковых ворот, под конвоем четверых моих старажей, вывели на коне Ежи Мнишека.

Воевода Сандомирский был жалок. От его былой спеси и бархатного лоска не осталось и следа. Он ехал затравленно, озираясь по сторонам. Увидев высокую свежеструганную виселицу, он побелел, как полотно. Он решил, что этот помост – для него.

– Сюда! – рявкнул я.

Сторожи подвели его коня.

– Смотри, пан воевода, – тихо, но отчетливо произнес я. – Смотри внимательно. Не отворачивайся.

Мнишек судорожно сглотнул, пытаюсь что-то пролепетать. Его губы дрожали.

– Я... я не виновен, князь... Это ошибка...

– Молчи, – оборвал я его. – Ты хотел власти? Ты хотел посадить свою дочь на русский трон? Ты думал, что это игра?

Я указал нагайкой на пустую петлю, раскачивающуюся на ветру.

– Вот цена, которую платят самозванцы и их покровители на Руси. Смотри и запоминай, Ежи. Чтобы потом, когда вернешься к дочери, ты смог рассказать ей, что ждет тех, кто тянет руки к чужому.

Мнишек сжался в комок, не смея поднять глаз. Он понял, что сегодня не умрет, но этот страх останется с ним навсегда.

– Ведите вора! – скомандовал я.

Толпа выдохнула. На помост выволокли «царевича Петра».

Мой приказ исполнили в точности. Он был вымыт, его волосы расчесаны, на нем была чистая, белая, как первый снег, рубаха и новые порты. Он не выглядел страдальцем или мучеником. Он выглядел здоровым, крепким мужиком, который идет на смерть. И оттого его страх был виден еще отчетливее.

Он упал на колени, не в силах стоять, но палач рывком вздернул его на ноги.

Вперед вышел дьяк с развернутым свитком.

– Слушайте, люди православные! – его зычный голос покотился над площадью. – По указу Боярской Думы! Вор и разбойник! За то, что назвался именем несуществующим! За то, что жег села и губил души христианские! За воровство и самозванство! Приговорен к смертной казни через повешение!

Ни слова о царе Федоре. Ни слова о покойном Дмитрие. Просто вор, укравший чужое имя.

Толпа молчала. В этой тишине чувствовалось напряжение. Кто-то жалел «царевича», кто-то сомневался. Нужно было разбить этот ореол.

Я кивнул Елисею.

Тот, одетый в богатый кафтан, легко взбежал на помост. Он не стал читать бумаг. Он подошел к краю эшафота, упер руки в боки и оглядел толпу с веселой, злой усмешкой.

– Смотрите, православные! – крикнул он, тыча пальцем в трясущегося Петра. – Смотрите на того, кто посмел назваться царевичем! Да не просто царевичем, а сыном покойного царя Федора Иоанновича. Которому только дочку бог и даровал, а мы ее не уберегли, да во младенчестве померла она. На святое покусился Иуда!

Елисей сплюнул под ноги осужденному.

– Видели бы вы, как этот орел драпал! – его голос был полон презрения и издевки. – Как только мы подошли, он своих казачков, что ему поверили, бросил подыхать! Казну награбленную в охапку – и в кусты, как заяц!

По толпе пробежал смешок.

– А когда мы его за хвост из кустов вытащили, – продолжал Елисей, входя в раж, – так он в ногах валялся! Сапоги лизал! Не губите, – визжал, – я не виноват! Всех сдал, всех продал, лишь бы шкуру свою поганую спасти! Тьфу, срамота!

– Иуда! – крикнул кто-то из толпы. – Собака трусливая! – подхватили, с другой стороны.

Смех и презрение – страшное оружие. Толпа, готовая минуту назад сопереживать, теперь улюлюкала и свистела, глядя на жалкого труса. Елисей растоптал его, уничтожил еще до того, как петля коснулась шеи.

Петр, слыша этот свист, окончательно обмяк. Он повис на руках палача, мыча что-то нечленораздельное.

Я махнул рукой.

Палач, деловито и споро, накинул намыленную петлю. Удар ногой выбивая чурбачок у него из-под ног.

Тело дернулось, вытянулось струной и начало медленно раскачиваться.

Я смотрел на это холодно. Ни жалости, ни торжества. Просто выполненная работа. Грязная, но необходимая.

Повернув коня, я подъехал к Мнишеку. Тот сидел, вцепившись побелевшими пальцами в лук седла, и не мог оторвать взгляда от синеющего лица повешенного.

– Уведите его, – бросил я страже.

Я развернул Черныша прочь от Лобного места. За спиной ревела толпа, но этот рев уже не трогал меня. Дело было сделано. Вор висел, страх был повержен, а народ получил свою порцию кровавой справедливости.

Но, проезжая сквозь расступающиеся ряды стрельцов, я думал не о повешенном. В голове звучали слова Иова: *«Собор должен быть праведным»*.

Для того чтобы сесть на трон и удержаться на нем, нужно нечто большее, чем удавка. Нужно Чудо. Нужен перст Божий, указывающий на избранника.

У Спасских ворот, уже в седлах, меня ждал Прокоп с двумя десятками верных бойцов. Они были готовы к броску в Старицу за моей казней. Кони переступали с ноги на ногу, отряд был собран и подтянут.

Прокоп, увидев меня, тронул коня навстречу.

– Все готово, княже. Выступаем немедля.

Я поднял руку, останавливая его.

– Погоди, Прокоп.

Он натянул поводья, вопросительно глядя на меня из-под мохнатых бровей.

– Деньги – это важно, – сказал я, подъезжая вплотную. – Без них мы никуда. Но мне нужно еще кое-что.

– Помнишь пещеру в каменоломнях? И воина святого, что мы там нашли?

– Как не помнить, – кивнул он, и в глазах его мелькнула тень суеверного уважения.

– Так вот. Зайдешь в мои личные покои, в оружейную. В ларце, что замком заперт, лежит его меч. Тот самый, что я себе оставил. Заберешь его. Обернешь в бархат, бережно, как величайшую святыню.

Прокоп кивнул, запоминая.

– А потом поезжай в монастырь. К Игумену. У него хранится книга – Псалтырь древний, что при войне был. Скажешь ему: князь зовет. Не просит – зовет. Пусть берет Писание, берет отца Феодора – того самого, что со мной из-за вил «бесовских» спорил, – и едут в Москву.

– Попов-то зачем тащить? – не выдержал Прокоп, скривившись. – С ними же мороки в дороге, медленно поедут, ныть будут...

– Пусть едут! – отрезал я жестко. – Пусть облачаются в лучшие ризы. И святыни эти – меч и книгу – везут торжественно, крестным ходом. Чтобы каждый встречный видел.

Я посмотрел на площадь, где все еще гудел народ, и снова перевел взгляд на своего верного слугу.

– Нам нужно, Прокоп, чтобы Собор увидел не только мою силу. Нам нужно, чтобы они увидели Божью волю. Чтобы поняли: не я власть беру, а сам Господь через древних святых меня благословляет. Понял?

Прокоп почесал в затылке, сдвинув шапку. Он был человеком простым, и все эти высокие материи ему были чужды, но чуйка у него была звериная. Он понял суть.

– Хитро, – крякнул он. – Ох и хитро, Андрей Володимирович.

– Именно, – кивнул я. – Скачи. И храни груз пуще глаза.

– Сделаю, – серьезно ответил он.

Прокоп развернул коня, гаркнул команду своим людям, и отряд рысью ушел в ворота, растворяясь в утренней суете.

Я вернулся в кабинет. Отдыхать было некогда. Пока одни вешают воров, а другие скачут за золотом, государство должно работать.

А государство – это бумага. Горы бумаги.

Я сел за массивный дубовый стол, который еще помнил локти Лжедмитрия, и позвонил в серебряный колокольчик.

Спустя пару минут дверь отворилась. На пороге возник Ян Бучинский. Ныне мой личный писарь, выглядел идеально: черный камзол застегнут на все пуговицы, манжеты белоснежные, в руках – стопка свитков и гусиные перья.

– Звал, князь? – он поклонился с европейской учтивостью.

– Звал, Ян. – Я кивнул на пустой край стола. – Неси.

– Что нести, государь?

– Челобитные, – вздохнул я. – Те, что писали на имя покойного Дмитрия, да и на имя Думы за последние недели. Все, что в Разрядном и Челобитном приказах пылится без ответа. Неси сюда. Хочу знать, чем народ дышит.

Бучинский удивленно вскинул брови, но спорить не стал. Через полчаса он вернулся, сгибаясь под тяжестью огромной кипы свитков.

– Вот, княже. Самые свежие. Дьяки говорят, руки не доходили разбирать.

– Разберем, – я взял верхний свиток, сломал сургуч. – Садись писать будешь. Коротко и по делу.

Мы погрузились в чтение. Это было погружение в самую гущу русской жизни – бестолковой, жестокой и местами смешной до колик.

– Вот, послушай, – хмыкнул я, разворачивая очередной лист, исписанный корявым почерком. – Посадский человек Ивашка бьет челом на жену свою, Акулину. Пишет: «Бьет меня смертным боем ухватом, за бороду таскает, и из дома в чем мать родила выгоняет». Просит унять бабу, ибо «сил мужских терпеть боле нет».

Бучинский, макнув перо в чернильницу, с трудом сдержал улыбку.

– И каков будет приказ?

– Пиши: «Ивашке выдать в приказе дубину казенную, дабы жену учил уму-разуму сам. А коли баба сильнее окажется – пусть в монастырь идет, раз с бабой сладить не может».

Ян быстро заскрипел пером, фиксируя решение.

Следующая челобитная была уже не смешной.

– От крестьян села Покровского, – прочитал я, и лицо мое помрачнело. – Жалуются на сына боярского Свинына. Пишут: «Заморил совсем голодом, девок портит, а мужиков, кто слово поперек скажет, на привязь сажает и собаками травит. Третьего дня старосту насмерть запорол».

Я ждал бумагу в кулаке. Вот она, настоящая беда. Безнаказанность.

– Пиши, Ян. – Голос мой стал жестким. – «В село Покровское послать десяток стрельцов и подьячего проверить. Коли правда – Свинына в Москву, на суд. Село отписать в казну до выяснения». И пометь себе: проследить, чтобы не откупился.

Мы работали еще час. Челобитные шли потоком. Купец жаловался на разбойников под Тулой, которые «обоз отбили и людишек в болоте утопили».

Какой-то юродивый требовал «царской грамоты на право пророчествовать», иначе грозил мором и голодом.

– А вот это занятно, – я развернул свиток дорогой бумаги.

– Боярский сын Засекин бьет челом на соседа своего, князя Волконского. Судятся за межу уже третий год. Засекин пишет, что Кочергин «колдовством» межевой камень по ночам передвигает. Якобы видел, как тот «обратившись в вепря дикого, землю рылом пахал, межу сдвигая».

Бучинский прыснул в кулак.

– В вепря?

– Вот и я думаю, – усмехнулся я. – Пиши: «Обоим дурням выписать штраф по два рубля в казну за то, что государевых людей бреднями отвлекают. Межевой камень поставить на место, и пусть дьяк печать поставит. Кто тронет – тому руку отсечь».

Я отбросил свиток. Голова шла кругом, но картина складывалась. Страна жила. Воровала, дралась, судилась, верила в чертовщину и надеялась на царя-батюшку, который придет и рассудит. И сейчас этим «батюшкой» был я.

– А вот тут, княже, дело государственное. О сговоре с нечистым, – Ян Бучинский позволил себе легкую улыбку, но глаза его оставались серьезными.

Он протянул мне свиток.

– Бьет челом десятский от Тверских ворот на стрельца Сеньку Кривого. Пишет, что тот притащил с разграбленного польского двора «ларь бесовский», который живет своей жизнью и грозит Москве гибелью.

Я взял бумагу.

«...А и держит Сенька в подклете у себя коробку малую, железную да деревянную. И исходит из той коробки день и ночь стук: тук-тук-тук, словно сердце нечистого бьется. А раз в час, без всякой руки человеческой, начинает та коробка визжать, скрежетать и бить в колокол малый, но голосом противным, явно знаки подавая врагам затаившимся...»

Я перестал читать и посмотрел на Яна.

– И чего это такое? – не сразу понял я.

– Так часы похоже княже, – выдал секретарь.

– Он что, часы с боем забрал?

– Похоже на то, – кивнул Бучинский. Редкая вещь, дорогая. Видать, у кого-то из знатных панов утащил.

Я снова уткнулся в текст:

«...А бабы соседские сказывают, что сей “стук” есть отсчет времени до конца света, или же до прихода Антихриста. И что Сенька тот ларь салом смазывает и шепчется с ним, явно душу продавая. Посему просим: Сеньку пытать, а адскую машину утопить, пока она беду не накликала...»

Я откинулся на спинку кресла. Ситуация была абсурдной, но опасной. Из-за тикающего механизма дураки могли линчевать человека.

– Дикость, – выдохнул я. – Часы в прорубь...

– Какой приказ будет? – Ян уже обмакнул перо. – Стрельца наказать за мародерство?

– За мародерство сейчас пол-Москвы наказывать придется, – поморщился я. – Нет. Тут надо хозяйственно подойти. Часы – вещь полезная, мне в приказной избе пригодятся.

Я на секунду задумался, формулируя решение.

– Пиши: «Стрельцу Сеньке поблагодарить за бдительное хранение трофея. Ларь “бесовский” изъять немедленно и доставить ко мне в кабинет – я сам вместе с патриархом разберусь, у нас на него управа есть.

Бучинский хмыкнул.

– А соседям?

– А соседям и десятскому передать: пусть спят спокойно. Мы с механизма “заклятие” снимем святой молитвой и на государеву службу определим. И выдать Сеньке три рубля за “находку”. Если просто отберем – обидится, болтать начнет. А так – продал государю диковинку, все довольны.

– Будет исполнено, – Ян быстро заскрипел пером. – Три за часы... Дешево ты, княже, ценишь.

– Следующий!

Секретарь протянул следующий свиток, но я видел, что напряжение немного отпустило. Пока народ боится «тикающих ящиков», а не голода – мы еще держимся.

В этот момент дверь скрипнула. На пороге появился дьяк Власьев. Вид у него был озабоченный.

– Княже Андрей Володимирович...

– Что еще, Афанасий Иванович? – я поднял голову от бумаг.

– Тут дело... торговое. – Власьев покосился на Бучинского, но говорить продолжил. – Гость заморский пришел. Ян Питерсон, голландец. Тот самый, что мушкеты привез.

Я отложил очередную челобитную.

– Пришел за деньгами?

– За ними, родимыми. Требуется оплаты. Грозится, что если не заплатим, больше ни одного фунта пороха не привезет... – дьяк развел руками.

Я вздохнул, потирая виски.

– Зови, – бросил я Власьеву. – Будем торговаться. Ян, – я кивнул секретарю, – убери бумаги, но далеко не уноси. Мы еще не закончили.

Бучинский, ловко сгребая свитки, исчез в боковой двери, а я приготовился к битве за золото.

Глава 4

Выглядел мой старый знакомый внушительно, черный камзол из отличного фландрского сукна, белоснежный, хоть и слегка помятый гофрированный воротник, на груди – тяжелая золотая цепь, звенья которой тускло поблескивали в свете свечей.

В глазах читалась усталость, смешанная с тревожным ожиданием. Он знал, что в Москве смута, знал, что царь мертв, и наверняка гадал – получит ли он свои деньги или голову с плеч.

Я поднялся навстречу, показывая уважение. Негоже купца такого размаха встречать сидя, чай не холоп.

– Здравствуй, Ян. Проходи, гостем будешь.

Питерсон снял шляпу с пером, подметая ею пол, и отвесил глубокий, по-европейски изящный поклон.

– Здравия желаю вам, светлейший князь Андрей Владимирович. И долгих лет жизни. Рад видеть, что Господь хранит вас в эти бурные дни.

– И тебе не хворать, – кивнул я, указывая на лавку напротив себя. – Присаживайся. В ногах правды нет. Как здоровье твое? Как дорога? Ладно ли все в пути было?

Это был обязательный ритуал. Нельзя сразу о деньгах, не по-людски это, да и не по-божески. Сначала – о житье-бытье.

Ян тяжело вздохнул, усаживаясь и расправляя полы камзола. Лицо его приняло скорбное выражение человека, который собирается набивать цену своему труду.

– Вашими молитвами, княже, жив. Но путь был... ох и тяжек, – он покачал головой, словно отгоняя дурные воспоминания. – Море нынче взбесилось. В Скагерраке шторм нас трепал четыре дня, волны – выше мачт! Думали – Богу душу отдадим, товары за борт готовили кидать. Едва судно сохранили.

Он сделал паузу, давая мне проникнуться моментом.

– А на суше и того хуже, князь. Испанцы лютуют, дороги перекрыты, ландскнехты рыщут, что твои волки. Пока я ваш заказ собирал, пришлось пол-Европы исколесить, да каждому встречному-поперечному кланяться.

Он начал перечислять, загибая пальцы в перчатках из тонкой кожи:

– Порох добрый, зернистый, найти было непросто – война все съедает, цены взлетели до небес. Пришлось втридорога перекупать у одного курфюрста, да еще и взятку дать, чтоб пропустили. Мушкеты отбирал лично, каждый ствол проверял, чтобы не гнилье подсунули, а то англичане любят сбывать в Московию то, что самим не гоже.

Я слушал, кивал, давая ему выговориться. Пусть чувствует свою значимость. Я-то понимал: половина этих страстей – правда, а вторая половина – прелюдия к счету.

– А уж с мастерами... – Ян закатил глаза к потолку. – Эти люди цену себе знают. Еле уговорил в «дикую Московию» ехать, золотые горы обещал, да еще и задаток вперед пришлось дать немалый.

– Молодец, Ян. Хвалю, – сказал я искренне, когда он наконец выдохнул. – Верно послужил, не забыл уговора. Это мы ценим.

Питерсон, видя мое расположение и поняв, что клиент «созрел», решил, что пора переходить к главному. Он полез за пазуху и извлек плотный свиток, перевязанный шнурком.

– Старался, княже. Расходы были великие, да и риск... Сами понимаете. Товар уже на гостином дворе, люди на подворье.

Он развернул свиток и положил передо мной.

– По счету выходит... – он набрал в грудь воздуха. – Тридцать три тысячи шестьсот ефимков.

Стоявший у стены дьяк Власьев, услышав цифру, издал звук, похожий на икоту, и побелел так, что стал сливаться с побелкой печи.

Я же и бровью не повел, хотя внутри все сжалось. Тридцать три тысячи ефимков. При курсе примерно три ефимка за рубль – это одиннадцать тысяч триста рублей. Плюс минус на это и рассчитывал.

– Одиннадцать тысяч двести, стало быть, – спокойно перевел я в рубли.

– Если быть точным – одиннадцать тысяч триста, княже, – твердо поправил Ян. – Товар отборный, да и довезти опять же.

– Помнится мне, Ян, – я посмотрел ему в глаза, – что тысячу рублей я тебе уже давал. Как задаток.

Голландец не смутился.

– Помню, князь. Все учтено. Тысяча рублей – это три тысячи ефимков. Я их вычел из расходов на дорогу и взятки. Итого с вас причитается ровно тридцать тысяч шестьсот ефимков.

Видя нашу реакцию Ян спохватился и продолжил.

– Мои пайщики в Амстердаме ждут прибыли, князь, – голос Яна стал жестче. – Я и так рисковал головой, везя сюда порох.

Я помолчал, барабанил пальцами по столешнице. Смотрел на Яна, на его напряженную позу. Он не блефовал. Ему нужны деньги, иначе он просто не сможет вести дела дальше.

– Цена справедливая, спору нет, – произнес я наконец. – За такой труд и риск платить надо щедро. Но вот какая закавыка, Ян...

Я развел руками, показывая пустые ладони.

– Серебра в наличии сейчас столько нет.

Лицо голландца вытянулось, вежливая улыбка сползла, обнажив хищный оскал купца, которого хотят кинуть.

– Князь... – начал он холодно, привставая.

– Сядь, – тихо, но так, что он плюхнулся обратно, сказал я. – Я не сказал, что платить нечем. Я сказал – серебра нет *сейчас*. Обозы с моей личной казной в пути. Будут через неделю.

– Неделя... – скривился Ян. – За неделю в Москве многое может случиться.

– Власть здесь я, Ян. И мое слово дороже твоих талеров. Но я понимаю твою нужду. Деньги должны делать деньги. Поэтому я предлагаю тебе сделку.

Я повернулся к Власьеву, который все еще обмахивался рукавом.

– Афанасий Иванович, найдется ли у нас мягкой рухляди на половину долга? На пять тысяч сто рублей?

Я смотрел на него пристально, давая понять: нужно найти. Хоть из-под земли достать.

Власьев, умница, старый лис, сразу понял мою игру. Он перестал охать, выпрямился и степенно погладил бороду, будто прикидывая в уме несметные богатства, а не пустые сундуки.

– Как не найти, Андрей Владимирович, – ответил он уверенно, хотя я видел, как дергается жилка у него на виске. – Обоз с Сибири аккуратно пришел, не успели еще в расход пустить. Да и у Шуйских в подклетах добра немало было. Соболя черные, баргузинские, куницы, лисицы чернобурки... – он сделал вид, что считает. – Наберем, княже. На пять тыщ с гаком точно наберем. Товар отборный, мех к меху.

Я снова посмотрел на Питерсона.

– Слышал? Вот мое слово: половину пятнадцать тысяч триста ефимков, забираешь товаром. Меха. И считать будем не по московским ценам, а как на торге в Новгороде. Честно.

Глаза Яна загорелись. Я видел, как в его голове щелкают костяшки счетов. Меха по новгородской цене это чистое золото. Он наварит на этом вдвое, а то и втрое больше.

– А вторую половину – чистым серебром, через седмицу, когда мои обозы подойдут, – добил я его.

Голландец задумался. Он покусывал губу, взвешивая риски. Меха – это хорошо. Это очень хорошо. Это ликвиднее векселей.

– Предложение... щедрое, – медленно произнес он. – Меха – товар ходкий. Я согласен, князь. Но...

Он подался вперед, и в его глазах блеснула алчность, свойственная всем торговым людям.

– Раз уж вы так добры и казной пока скудны... может, дозволите нам, торговать беспешинно? Или... – он понизил голос, оглянувшись на дверь, – ...дадите пропуск на Волгу? В Персию? Мы бы шелк возили, вам же выгода...

Я усмехнулся. Ишь чего захотел. Персию ему.

Я поднял руку и сложил пальцы в кукиш. Не зло, но доходчиво.

– Видишь это, Ян? Вот тебе, а не Персия.

Питерсон обиженно отпрянул.

– Зачем же так грубо, князь?

– А затем, что я о государстве думаю, – жестко сказал я. – Пусти вас туда – потом не выгонишь. Вы ж как клещи. Да и англичане, «Московская компания», тут же вой поднимут. Начнут мне в кармане фиги крутить, козни строить, гадить на каждом шагу. А мне ссоры сейчас ни к чему. Архангельск открыт – торгуйте. Привилегии будут, но в меру.

Питерсон вздохнул, но не обиделся. Попытка не пытка, купец должен торговаться.

– Понял, князь. Архангельск так Архангельск.

– А теперь скажи мне, Ян, – я сменил тон на более доверительный. – Что в мире большого творится? Ты человек бывалый, моря ходишь. Что слышно?

Питерсон тяжело вздохнул, и лицо его, только что довольное от сделки, снова омрачилось. Он потер переносицу, словно у него разболелась голова.

– Непокойно на море, князь. Ох, беспокойно. Торговать стало – что по лезвию ножа ходить. Мы, Генеральные Штаты, с испанцами насмерть сцепились. И ладно бы только пушки грохотали, так ведь нет... Они нам порты закрывают! – Ян ударил ладонью по столу. – Лиссабон закрыт, Кадис закрыт. Испанский король хочет нас голодом уморить, перекрыл доступ к пряностям и соли. Приходится самим в Индии путь искать, а это риск, корабли гибнут...

Он поморщился.

– А в проливах и вовсе житья нет. Что испанцы, что... другие, – он многозначительно глянул на меня. – Останавливают каждое судно. Обыскивают. Трюмы вверх дном переворачивают. А под шумок и товар портят, и пошлины дерут такие, что впору караул кричать. Цены взлетели втрое, князь!

– Оттого и порох такой дорогой? – уточнил я.

– И порох, и сукно, и железо, – кивнул Ян. – Селитра в цене выросла, медь... Война все жрет. А тут еще англичане... – он скривился, будто укуса хлебнул. – Пользуются тем, что мы с испанцами заняты. «Московская компания» их совсем стыд потеряла. Везде лезут, наших купцов притесняют. Говорят, у них «особые права» на торговлю с Московией, еще от царя Ивана. Хотят нас из Архангельска и вовсе выжить, чтобы цены диктовать монополично.

Я слушал внимательно, кивал. Мозг работал, выхватывая главное. Голландии сейчас тяжело. Их давят на море, закрывают рынки. Им нужны ресурсы для флота – лес, пенька, смола, – чтобы прорвать блокаду. И им нужны надежные порты. А Англия, пользуясь смутой в Европе, пытается подмять под себя нашу торговлю.

– Я англичан тоже не жалею, Ян, – вкрадчиво произнес я, глядя ему в глаза. – Спесивые они больно. Хотят все за бесценок брать, а пошлин не платить. – Я подался вперед. – Так вот слушай. Поможете мне сейчас – оружием, мастерами, сроком оплаты... И когда я укреплюсь, голландцы получат преимущество.

Глаза Яна блеснули.

– Вы хотите сказать... мы потесним «Московскую компанию»?

– Я хочу сказать, что мне выгоднее торговать с теми, кто возит товар, а не лезет в политику с поучениями, – жестко ответил я. – Вам нужен корабельный лес, пенька, воск? У нас этого в избытке. Возите, торгуйте. А наглых островитян мы прижмем. Грамоты старые пересмотрим. Но ты должен обеспечить меня всем, что нужно для войска. И цены не задирайте, ссылаясь на войну.

Питерсон выпрямился. В его взгляде появилось уважение. Он увидел не просто выгодную сделку, а спасательный круг для своей торговли.

– Мы друг друга поняли, князь, – серьезно сказал он. Генеральные Штаты этого не забудут.

– Вот и славно. – Я встал, завершая разговор. – А теперь идем. Покажешь, что привез. Негоже ката в мешке покупать.

Мы вышли из кабинета. Власьев тут же кликнул подьячих, которые, словно тени, жались у дверей с чернильницами и свитками наготове.

– Дядя Олег, со мной. И десяток сторожей возьми покрепче.

Олег довольно крякнул, поправляя перевязь с саблей. Ему явно надоело сидеть в четырех стенах.

Мы спустились на крыльцо, и кликнули слуг. Которые тут же подвели к нам коней. Вскочив в седла, наша кавалькада двинулась к Спасским воротам.

Ехать было недалеко, но путь лежал через самое чрево торговой Москвы. Миновав ров и выйдя на Красную площадь, мы сразу окунулись в гул и толчею. Здесь, несмотря на то что Петр болтался в петле, жизнь была ключом. Торговки с лотками, разносчики сбитня, мужики с возами дров – все это пестрое море расступалось перед всадниками в богатых кафтанах, но тут же смыкалось за нашими спинами.

Мы свернули влево, на Ильинку – главную купеческую улицу Китай-города. Здесь уже не было той грязи и суеты, что у кремлевских стен. Вдоль улицы тянулись каменные палаты богатых купцов, крытые тесом, и монастырские подворья.

Гостиный двор выглядел как крепость внутри крепости. Это было огромное, вытянутое здание из белого камня и кирпича, построенное еще при Иване Грозном. Тяжелые кованые ворота, узкие окна-бойницы на нижних этажах, толстые стены – все здесь говорило о том, что товар нужно беречь не только от дождя, но и от лихого человека. Внутри же, за неприступными стенами, скрывался целый город из амбаров, лавок и галерей, где заключались сделки на тысячи рублей и где пахло деньгами со всего света.

Ян, чувствуя себя здесь хозяином, уверенно кивнул страже у ворот. Нас пропустили без вопросов, лишь косясь на вооруженных сторожей.

Мы въехали на обширный внутренний двор, вымощенный бревнами, где было прохладно и гулко. Здесь пахло пенькой, дегтем, сырой кожей, оружейным маслом.

Питерсон повел нас к дальним каменным палатам, которые он арендовал целиком.

– Вот, княже, – он с гордостью распахнул тяжелые двери амбара. – Товар лицом.

В полумраке склада высились ряды бочонков.

– Вскрывайте, – приказал я своим людям.

Сторожа поддели крышку. Внутри, переложенные ветошью, лежали мушкеты. Я взял один, проверил замок – колесцовый, надежный.

– Доброе железо, – заметил дядя Олег.

– Порох? – я подошел к бочонкам.

Власьев приказал вскрыть один. Я зачерпнул горсть. Порох был зернистый, сухой. Не мякоть, а настоящий боевой припас. Так же и колесцовые пистолы проверил. Убедившись, что товар качественный, я повернулся к голландцу.

– С железом ладно. А где люди? Мастера печных дел.

Питерсон махнул рукой приказчику, и тот убежал.

– Сейчас будут, княже. Два мастера. Из Льежа.
Вскоре привели двоих. Крепкие мужики, смотрели исподлобья.
Ян что-то быстро сказал им по-своему. Они сняли шапки.
– Ну что, мастера, – обратился я к ним через толмача. – Работы для вас много. Платить буду щедро. За каждую поставленную печь – по рублю серебром.
Мастера переглянулись. Рубль за печь – это были очень хорошие деньги. Они закивали, явно довольные.
– Но есть условие, – добавил я, поднимая палец. – Мне нужны ученики. Дам вам десяток парней смышленных. Вы их всему обучите. Как печь ставить. Все секреты.
Лица мастеров вытянулись. Они заворчали, замахали руками, что-то доказывая Яну.
Толмач перевел:
– Мнутся, княже. Говорят: зачем? Мы научим, а они потом нашу работу перехватят, а мы с голоду помрем.
Я усмехнулся.
– Переведи им. Тут работы на сто жизней хватит. Вы вдвоем со всем не справитесь.
Я подошел ближе.
– Скажи им так: за каждого выученного ученика – дам еще по три рубля сверху. А с каждого заказа, что ученик ваш в будущем сделает, вам копейка малая капать будет. Всю жизнь. Больше учеников – больше денег. Вы через пару лет богачами домой уедете.
Когда толмач перевел это, глаза мастеров загорелись. «Копейка с каждого» и три рубля за голову – это они понимали. Жадность победила страх.
– Согласны, княже.
– Вот и добро, – кивнул я.
Ян передал мне ящичек с семенами картошки и томатов. Я отдал его дяде Олегу с наказом беречь пуще глаза.
– Ну что, – я повернулся к Яну и обвел рукой амбар. – Товар добрый. Мастера есть. Беру. Питерсон замаялся.
– Княже... – начал он осторожно. – Меха – это хорошо. Но это лишь половина. Может... товар полежит у меня, пока серебро не придет? Все-таки риск...
Я шагнул к нему вплотную. Мой взгляд стал тяжелым.
– Ян. Ты меня обидеть хочешь? Неужто ты думаешь, что я, князь Старицкий, тебя обману? Из-за жалкой кучки серебра?
Я положил руку ему на плечо.
– Нам еще дела вести. Большие дела. Тот, кто мне сейчас поверит, – тот озолотится. А кто усомнится...
Питерсон смотрел мне в глаза. Он вздохнул и махнул рукой.
– Ваша правда, князь. Везите товар. Я верю вашему слову.
– Вот и славно, – улыбнулся я.
Я развернулся к Власьеву.
– Афанасий Иванович, начинай опись. И грузите все на подводки. Везите ко мне на подворье, в мои амбары. Лично проследишь.
– Исполню, княже, – поклонился Власьев.
Сделка была закрыта. Я выдохнул. Товар наш. Теперь бы еще неделю продержаться, пока обозы с деньгами не придут.
Еще не много времени Ян побыл с нами ушел, мастеров я сразу отослал на свое подворье с одним из сторожей, что бы их там разместили.
Дьяк, до этого державший спину прямо, теперь ссутулился и вытер рукавом лоб, на котором выступила испарина.

– Ох, грехи наши тяжкие, – выдохнул он, опираясь рукой о стол. – Ну и хватка у этого Яна, чисто клещ. Едва отбились. Но слава Богу, ушел довольный. Теперь бы и дух перевести...

– Рано расслабляться, Афанасий Иванович, – мой голос прозвучал сухо, разбивая его надежды на отдых.

Власьев замер, вопросительно глядя на меня.

– Ты же не забыл, о чем говорили? – напомнил я, глядя ему в глаза. – Рубль каждому стрельцу, полтора – конному, пять – семьям погибших.

– Помню, княже, как не помнить, – осторожно ответил дьяк. – Списки составляем, деньги готовим...

– Не просто готовим, – оборвал я его. – Завтра поутру, чуть свет, мы едем в Стрелецкую слободу. Будем раздавать награду.

Он посмотрел на меня как на умалишенного.

– Завтра?! – простонал он. – Князь Андрей Владимирович, помилуй! День к закату клонится. Когда же успеть-то?

Он начал загибать пальцы, и в голосе его звучала настоящая паника чиновника, которого заставляют работать не по уставу.

– Людей переписать надобно, чтобы никто лишний не затесался. Серебро из сундуков достать, пересчитать... Это ж тысячи монет! А подьячие у меня с ног валяются, и так. Не успеем мы к утру, никак не успеем! Может, через денек? Или два? Пусть людишки подождут...

– Нет! – Никаких «через денек». – Ты не понимаешь, Афанасий? И так шепчутся, что казна пуста. Еще немного и поди бузить начнут.

– Так ведь правда пуста... – начал было Власьев.

– Для них она должна быть полной! – рявкнул я. – Благодарность, Афанасий Иванович, – товар скоропортящийся. Сегодня они герои, а завтра решат, что их обманули, и начнут роптать.

Я понизил голос, но от этого он стал только жестче.

– Если мы затянем хоть на день, слухи укоренятся. А если завтра на рассвете те, кто заслужил получают награду в руки – это заткнет рты всем шептунам лучше любой плахи.

– Но считать... – слабо попытался возразить дьяк. – Это ж сколько времени, по копейке отсчитывать...

– Я не меняла, чтобы над мощной трястись перед строем. Это должен быть княжий жест, а не базарный расчет. – Поднимай подьячих. Всех. Писарей, кого хочешь. Пусть сидят всю ночь. Свечей не жалеть. Деньги должны быть расфасованы заранее. По рублю – в отдельные тряпицы или кошель. По полтора – в другие.

– По кошелькам? – ахнул Власьев.

– Да. Чтобы я просто брал и вручал. Быстро, красиво, щедро. Понял?

Власьев тяжело вздохнул, понимая, что спорить бесполезно. Плечи его поникли.

– Понял, княже. Будет исполнено. Не спать так не спать...

– И еще, – я подошел к столу, взял чистый лист и быстро набросал несколько строк. – С Волынским сам преговорю, что бы стрельцов да послужильцов по утру созвал.

Власьев только кивал, с недовольным лицом, но не перечил.

– И еще. – Где Савка Кожица с Елисеем? Я наказ давал добром изменников заняться.

– Так на Торгу они, княже. На Красной площади, у самых рядов должны быть. Я по обедни слышал шумят так, что и в кремле слышно.

– Вот и славно. Погляжу, как идет дело.

Я кивнул дяде Олегу и своим сторожам. Мы вскочили в седла и выехали из ворот Гостиного двора обратно в людское море.

Ехать было всего ничего – свернуть с Ильинки да выехать на простор площади, но этот путь занял время. Торг кипел. Это было живое, орущее, пахнущее потом, пирогами и конским навозом чудовище.

– Дорогу! Дорогу князю! – рявкали мои сторожа, направляя коней грудью в толпу.

И толпа подавалась. Гул, висевший над площадью, менялся. Завидев меня во главе отряда, люди шарахались в стороны, образуя живой коридор. Кто-то срывал шапку и кланялся в пояс, кто-то смотрел исподлобья, с опаской, но в большинстве глаз я видел жадное любопытство и уважение.

– Старицкий едет... – Тот самый... – Гляди, молодой какой...

Я ехал с каменным лицом, глядя поверх голов, но слышал каждое слово.

Место распродажи я нашел сразу – по хохоту и плотной толпе, что сгрудилась вокруг.

Там царил Елисей. Он стоял на бочке, покрасневшийся, сдвинув шапку на затылок, и держал в руках богатую шубу, подбитую соболем.

– А вот шуба боярская! – орал он дурным голосом, перекрывая рыночный гам. – Шуба князей Шуйских! Теплая, добрая! Кто наденет – сразу ума прибавится, а может, и хитрости! Налетай, православные! Не пятьдесят рублей прошу, не тридцать, а всего пять! Кто хочет боярином походить?

Народ гоготал, купцы тянули руки, выкрикивая цену.

Рядом, за длинным столом, сидел Савка Кожица. В отличие от Елисея, он не кривлялся. Он работал. Перед ним лежали груды серебряной посуды, кубки, дорогие ткани. Савка деловито торговался с купцами побогаче.

Я тронул Черныша, подъезжая ближе.

– Расступись!

Люди, увидев меня, отхлынули. Елисей, заметив меня, тут же сменил тон, перестав паясничать, и прыгнул вниз. Савка тоже встал, отирая руки о тряпку.

Они подошли к моему стремени.

– Ну как торг, купцы? – спросил я, оглядывая горы барахла.

– Бойко идет, княже! – Савка довольно похлопал по ларю. – Народ падкий на дешевку, а мы цену не ломим. Утварь серебряную почти всю разобрали.

– Денег много? – тихо спросил я.

– Наберется, – кивнул Савка. – На сотню уже.

– Добро. Сразу Власьеву везите.

– А народ что? – я посмотрел на Елисея.

Тот ухмыльнулся, вытирая пот со лба, и кивнул в сторону группы стрельцов, которые стояли чуть поодаль, опираясь на бердыши, и мрачно, но с интересом наблюдали за торгом.

– Доволен народ, княже.

– И вот еще, – бросил я Елисею напоследок. – Шубу ту, что в руках держал... придержи. Негоже таким добром разбрасываться за пятак, если она добрая. А остальное – продавайте до последнего гвоздя.

Я направил коня к Спасским воротам. За спиной снова взревел голос Елисея:

– А вот кубок заздравный! Из него сам изменник пил, да не допил! Кто смелый?

Но стоило мне въехать в Кремль, как навалилась тишина. Я ехал шагом, не глядя по сторонам. Сторожа почтительно отстали, давая мне возможность побыть наедине со своими мыслями.

А мысли были невеселые.

Чтобы удержать власть, нужно платить. Платить войску, платить приказам, платить за верность. Взгляд мой невольно скользнул в сторону приземистых каменных построек у стены – туда, где чернели узкие окна подклетов.

Тюрьма.

Я натянул поводья, останавливая коня.

Там, в сырой темноте, сидели мои враги. Шуйские, Голицыны, Татищевы, Салтыковы... Цвет московского боярства. И каждый из них был сказочно богат.

«Я сижу на сундуках с золотом, – пронеслась в голове циничная мысль. – Только сундуки эти – живые. И ключей от них у меня нет».

Каждый из них, сидя сейчас в цепях и ожидая палача, отдал бы всё, что имеет, за один глоток свежего воздуха. За жизнь.

Искушение было велико. Выпустить? Продать жизнь за золото?

«Нельзя», – тут же одернул я себя.

Дмитрий Шуйский – дурак, но злобный и мстительный. Голицыны – слишком амбициозны. Они не простят унижения.

Нет. Этих – нельзя. Пусть лучше сгниют там или сложат головы на плахе. Их смерть – залог моего спокойствия, а там и золотишко их в казну уйдет.

Я уже хотел тронуть коня дальше, к дворцу, но вдруг замер.

В памяти всплыл мой давний обход темницы. Смрад, стоны, мольбы о пощаде. Ползающий в ногах Салтыков. Брызжащий слюной Шуйский.

Но был там один человек.

Я вспомнил камеру, где сидел Федор Иванович Мстиславский. Он не ползал. Не проклинал. Он сидел на лавке с прямой спиной, сохраняя достоинство даже в грязи и цепях.

«А ведь он не Шуйский», – подумал я, и эта мысль заставила меня развернуть коня.

Мстиславский пошел против Лжедмитрия не потому, что сам хотел на трон. Он отказывался от шапки Мономаха еще при Годунове. Он пошел, потому что считал Дмитрия еретиком и разрушителем старины. Он защищал «честь» и порядок, как он их понимал.

«Ему нужна жизнь, – хладнокровно рассудил я. – И, возможно, сохранение рода. А мне?»

Я посмотрел на темные окна подклета.

Мстиславский богат. Невероятно богат. Выпустить его в Думу я, конечно, не могу. Но ссылка? Почетная ссылка в дальний монастырь или в глухую вотчину на севере, без права выезда?

Это безопасно. Сломанный, лишенный золота старик не опасен. А народ увидит мое милосердие: «Смотрите, князь Старицкий не зверь, он чтит седины и старые роды, если они каются».

Пазл сложился.

Я решительно развернул Черныша в сторону казематов.

Глава 5

Через несколько минут я уже спускался в темницу, и каждый шаг отдавался гулким эхом под низкими сводами. Здесь, в каменных мешках подклета, время текло иначе.

Ключник, семенящий впереди с факелом, дрожащими руками отпер тяжёлую дверь.

– Оставь свет и уйди, – бросил я ему, и покосился на сторожей, которые тут же встали возле двери.

Когда дверь со скрежетом захлопнулась, я остался один на один с узником.

Князь Федор Иванович Мстиславский сидел на узкой лавке, прислонившись спиной к сырой стене. За эти дни он страшно изменился. Некогда дородный, величественный глава Думы словно усох. Лицо его, осунулось, кожа обвисла, а дорогие одежды сменила грязная, рваная рубаха, сквозь прорехи которой виднелось худое, старческое тело.

Он медленно повернул голову на свет факела. В его взгляде не было страха – лишь безмерная усталость.

– Пришел... – прохрипел он, и голос его был похож на шорох сухих листьев. – На плаху поведешь?

Я молча подошел и сел на единственный в камере чурбак.

– Мог бы и казнить, – спокойно ответил я, глядя ему в глаза. – И право имею. Ты был на с изменниками, Федор Иванович. Ты поднял меч на помазанника.

– Был, – он выдержал мой взгляд. – И не отрекаюсь. Не за Шуйского я стоял. Видел я, куда этот Русь ведет. И ты видел, Андрей Владимирович. Не лги мне. Ты ведь не глупец.

– Я многое вижу, – кивнул я. – Потому и пришел к тебе.

Мстиславский криво усмехнулся.

– Утешил. Так чего тебе надо? Жизнь мою? Бери. Она нынче недорого стоит.

– Мне не жизнь твоя нужна, князь. Мне нужно твое серебро.

В тусклых глазах Мстиславского мелькнуло удивление, сменившееся презрением.

– Серебро? – он хрипло рассмеялся, и этот смех перешел в кашель. – Так забирай. Подворье мое стоит, амбары полны... Или твои псы уже все растащили?

– Подворье стоит, – улыбнулся я. – И добро поди на месте, но я не спрашивал. Мне до того дела нет. Но это пыль, Федор Иванович. Крохи.

Я подался вперед, нависая над ним.

– Мне нужно всё. До последней полушки.

– Ишь чего захотел, – прошептал он, и в его голосе прорезалась сталь. – Все родовое... А с чего бы мне тебе его отдавать? Убьешь – так я и так старик. А род мой...

– А род твой пресечется, – жестко перебил я, нанося удар в самое больное место. – Если ты умрешь как изменник, я сотру имя Мстиславских. Имена уйдут в казну, дальнюю родню постригу или сошлю в Сибирь, где они сгинут без следа. И не останется от твоего рода ничего, кроме строчки в разрядных книгах: «Казнены за воровство».

Мстиславский вздрогнул. Он смотрел на меня, и я видел, как в нем борются гордость, жадность и страх за наследие.

– Но есть другой путь, – я сменил тон на деловой. – Ты отдаешь мне всю казну. Добровольно. Пишешь грамоты, указываешь места. Взамен – я дарю тебе жизнь. И сохраняю честь рода.

– Жизнь... – он с тоской посмотрел на грязную стену. – В этой яме?

– Нет. Ссылка. Но почетная. Поедешь в вотчину. Будешь жить в тепле, сытости, грехи замаливать. И не просто небо коптить, а делом государевым заниматься.

– Делом? – он недоверчиво прищурился.

– Леса расчистишь под пастбища. Коней разводить будешь для войска. Будешь при деле, а там и женишься да детишек может заведешь в дали от суеты Московской.

Мстиславский молчал долго. Он взвешивал. Жизнь в унижении, но с сохранением рода? Или смерть и забвение?

– Коней, говоришь... – наконец пробормотал он. – Любил я это дело...

Он поднял на меня тяжелый взгляд.

– А слово? Слово дашь, что не обманешь? Что род не тронешь?

– Даю слово. Род Мстиславских останется.

– Будь по-твоему, – выдохнул он, и плечи его опустились. – Забирай. Все отпишу. Видно, Господь так судил – платить за гордыню золотом. Устал я.

– Вот и славно, – я не показал радости, сохраняя бесстрастное лицо. – Дьяка пришлю с бумагой.

Я встал, собираясь уходить, но задержался. Был еще один вопрос, который я должен был задать.

– Скажи мне, Федор Иванович... – я посмотрел на него сверху вниз. – Я был у инокини Марфы, тетки моей, Марии Старицкой.

Мстиславский вздрогнул, услышав это имя. Его лицо окаменело.

– Она просила твоей смерти, князь. Требовала мести. Скажи мне, чем ты ей так не угодил? Что между вами было, что она спустя столько лет жаждет твоей крови пуше, чем Годуновых?

Мстиславский молчал. Он отвел глаза, пряча их, и уставился в гнилую солому на полу. Его губы сжались в тонкую линию.

– Ответь мне, – надавил я.

Старик лишь горько, тяжело вздохнул. В этом вздохе было столько невысказанного, столько старой, застарелой грязи и боли, что мне стало не по себе.

– Быльем поросло, Андрей Владимирович... – наконец выдавил он, не поднимая глаз. – Много воды утекло. Не вороши.

– Не ворошить? – холодно переспросил я. – Она меня просила.

Он снова промолчал, упрямо глядя в пол. Я понял: правды он не скажет. Слишком глубоко она зарыта, слишком она личная и, видимо, постыдная.

– Ладно, – я шагнул к двери. – Не хочешь говорить мне – скажешь ей.

Мстиславский вскинул голову, в глазах мелькнул ужас.

– Как отпущу тебя – поедешь к ней. Лично. В ноги упадешь. И будешь молить о прощении, пока она не простит. В рубище и на коленях, если надо. Понял?

Он сглотнул, кадык дернулся на дряблой шее.

– Понял. Поеду. Виноват я... – прошептал он еле слышно.

– И последнее, – я взялся за холодную скобу двери. – Как Шуйский прошел? Охрана должна была быть, кто отпустил.

Старик помолчал, но теперь, когда сделка была заключена, скрывать ему было нечего.

– Ключник Сенька, из бывших годуновских, – коротко бросил он. – Шуйский ему посулил горы золотые, да и мы нажали... Стражу своим вином опоил, да и охрану убедил, что царь их отпускает.

– Сенька... – я кивнул. – Найдем.

Я вышел из темницы и тут же приказал, ключнику по заботиться о князе: питание, баня, ожежда.

Вернувшись в кабинет, я первым делом велел позвать Матвея Григорьевича Волынского.

Он явился незамедлительно – подтянутый, собранный, готовый к любому повороту, как и подобает воеводе.

– Матвей Григорьевич, – начал я, не тратя времени на долгие предисловия. – На завтра готовь общий сбор. В Стрелецкой слободе.

– Смотр учинить, княже? – уточнил он.

– Раздача наград, – отрезал я. – Собери всех, кто со мной в Нижний ходил. Все полки, сотни, чтобы ни одной живой души не забыли. И особо накажи, – я поднял палец, акцентируя внимание, – чтобы вдов и сирот погибших привели. Всех до единой. О жильцах Власьев позаботиться, – протянул я с сомнением.

Волынский коротко кивнул, принимая приказ, и, развернувшись, поспешил исполнять.

– Ян! – крикнул я.

Бучинский появился в дверях мгновенно, словно и не уходил далеко, а караулил за порогом. В руках он уже держал свежие перья. Вид у него был сосредоточенный и немного уставший.

– Садись, – я кивнул на место, напротив. – Продолжим.

Мы погрузились в работу. Челобитные шли бесконечным потоком, и каждая бумага была чьей-то маленькой трагедией или большой жадностью. Помещик из-под Тулы жаловался на беглых крестьян, требуя увеличить срок сыска. Вдова купеческая просила защиты от приказных, что вымогали взятку за торговое место. Стрелецкий сотник бил челом о выдаче нового сукна, ибо старое «поизносилось в походах и срамно глядеть». Я читал, рубил фразы, принимал решения – где-то миловал, где-то отказывал, а где-то откладывал до лучших времен. Ян только успевал скрипеть пером, аккуратно выводя мои указы и посыпая чернила песком. Рутинная власть затягивала, не давая лишнего времени.

Закончили лишь по темноте, а там перекусить и на боковую.

Утро обрушилось на Москву тяжелым, гулким перезвоном колоколов.

Я стоял в Успенском соборе на заутрене. Мерцали свечи, отражаясь в золотых окладах, тягуче пахло ладаном, а я механически крестился, клал поклоны, когда того требовал чин.

Обернувшись мой взгляд мой зацепился за Нагих. Стояли неподалеку, важно выпятив грудь, раздуваясь от собственной значимости. «Царская родня».

Не смотря на порку, что я им устроил, вновь начали наглеть и пытаться играть в игры, которые не понимали.

«Надо их на место ставить, – холодно подумал я.

Мысли потекли дальше, перескакивая с одной проблемы на другую.

Мне нужна оппозиция.

Эта мысль, дикая для человека семнадцатого века, для меня была очевидной. Нельзя держать всех в кулаке вечно – пальцы разожмутся. Всегда будут недовольные. И лучше, если эти недовольные будут собираться вокруг человека, которого я контролирую. Вокруг «ручного» лидера, который будет громко кричать, выпускать пар, но никогда не укусит всерьез. Чтобы я видел всех врагов в лицо, а не ловил шепотки по темным углам.

Князь Иван Михайлович Воротынский?

Нет. Слишком прям. Честный вояка, солдат до мозга костей. Он рубит сплеча. Если он будет недоволен – он не интригу заплетет, а в лицо правду-матку врежет. С таким в политические шахматы не сыграешь, он доской по голове ударит.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский?

После того, что натворили его дядя, после измены рода Шуйских.

Нет. Слишком он был запятнан родством с предателями. За ним не пойдут, да и сам он от такой чести в обморок упадет.

Я перебрал в уме еще десяток имен.

Никого.

Пустота. Нет человека, на которого можно было бы положиться.

«Значит, придется пока держать всё самому, – с горечью подытожил я, когда служба подходила к концу. – Самому быть и властью, и законом, и тем, кого боятся, и тем, на кого надеются. Тяжелая шапка, но другой нет».

Дьякон провозгласил многолетие, и я, перекрестившись в последний раз, повернулся к выходу. Утро только начиналось, а тяжелые мысли уже давили на плечи.

В этом водовороте проблем я чувствовал себя капитаном корабля, который одновременно горит, тонет и подвергается абордажу.

Я махнул рукой своим людям, чтобы подвели Черныша. Хотелось скорее в седло и прочь отсюда.

– Княже, Андрей Владимирович! – окликнул меня хриловатый, но твердый голос.

Я обернулся.

У коновязи, прислонившись здоровым плечом к деревянному столбу, стоял Петр Федорович Басманов.

Я мысленно чертыхнулся.

«Твою ж... Забыл. Совсем забыл про него».

Выглядел Басманов неважно: лицо серое, под глазами круги, рука на перевязи. Видно было, что каждый шаг дается ему с трудом, раны еще не затянулись. Но стоял он прямо, и взгляд у него был не просительный, а прямой и жесткий.

Я подошел к нему.

– Петр Федорович? Ты чего вскочил?

– Отлежался уже, – скривился он, пытаясь поправить перевязь. – Негоже бока пролеживать. Да и судьбу свою знать хочу.

Он посмотрел на меня в упор.

– Дозволь слово молвить, князь. Не гони. Знаю, многие сейчас на меня косятся, шепчутся за спиной. Но я воевода и дело свое знаю туго. Я еще пригожусь.

Я смотрел на него и взвешивал. Талантлив? Безусловно. Харизма бешеная, стрельцы его любят. Но был и червячок сомнения...

– Знаю, что пригодишься, – медленно сказал я. – Только вот дума одна меня гложет, Петр. И пока я ответа не получу, веры тебе не будет.

Басманов напрягся, но взгляда не отвел.

– Спрашивай.

– Ты ведь Годуновым крест целовал. Был любимцем царя Бориса. А ты взял и под Кромами на сторону Дмитрия переметнулся, ворота открыл. Почему?

Я подошел вплотную, понизив голос.

– Продался? Или испугался?

Басманов вспыхнул. Здоровой рукой он так сжал край кафтана, что побелели пальцы. В глазах полыхнула застарелая, злая обида.

– Не продался я, князь! И не испугался! – выдохнул он. – Обида меня жгла!

– Какая обида? – всмотрелся я в его лицо.

– А такая! – его голос задрожал от ярости. – Я кровь лил, полки в кулаке держал, победы добывал! А кого они приблизили? Кого над нами, поставили? Вельяминовых! Худородных выскочек!

Он сплюнул на землю, не сдержавшись.

– А почему? За какие заслуги? Да потому только, что он на дочке женился Годуновых! В родстве дело, а не в службе! Меня, Басманова, под лавку загнали ради родни своей гнилой! Местничество мое попрали, честь рода в грязь втоптали. Не мог я стерпеть, чтобы мною, эти ничтожества помыкали. Вот и пошел против! За честь пошел!

Он замолчал, тяжело дыша.

Я кивнул. Это было честно. И это было понятно. Тут честь рода и место за столом были важнее жизни. Он предал не ради денег, а ради уязвленного самолюбия.

– Понимаю, – сказал я ровно. – Обида – советчик злой, но сильный.

– Так что, князь? – он с надеждой глянул на меня. – Нужен я тебе?

– Нужен, – решил я. Разбрасываться такими кадрами сейчас было глупо. – Выздоровляй, а я подумаю где тебе место найти.

Басманов просветлел лицом и попытался поклониться, но поморщился от боли.

– Благодарствую, князь! Не пожалеешь!

Я вскочил в седло, кивнул ему на прощание и тронул коня.

«Не пожалею, – думал я, выезжая из Кремля. – Но помнить буду: предал раз из-за обиды – предаст и снова, если решит, что его обделили. Держать на коротком поводке. И спиной никогда не поворачиваться».

Солнце еще только набирало силу, разгоняя утреннюю прохладу, когда мы выехали из Кремля.

Матвей Волынский, ехал чуть впереди нашей процессии, показывая дорогу. Мы переправились через Москву-реку и углубились в Замоскворечье, в **Наливки** – сердце стрелецких поселений.

Наша процессия выглядела внушительно, но деловито: я на Черныше, за мной – помятый бессонной ночью, но собранный Власьев, охрана и, главное, три подводы, тяжело груженные сундуками. Колеса скрипели, и этот скрип был лучшей музыкой для ушей собравшихся.

А народу собралось – море. Волынский постарался на славу. Вся площадь перед съезжей избой была забита людьми. Стрельцы стояли строем, по сотням, в цветных кафтанах. Бердыши начищены так, что глаза резало от блеска.

Но праздника не чувствовалось.

Над площадью висела тяжелая, напряженная тишина. Тысячи глаз смотрели на меня исподлобья, с недоверием. Они ждали подвоха. Ждали, что сейчас выйдет дьяк и начнет читать грамоту о том, что «казна пуста, но вы держитесь», или что заплатят «потом».

Я спешил в центре круга. Власьев, суетясь, тут же приказал открыть сундуки. Откинутые крышки ударились о бока, и на солнце тускло блеснули ряды плотно набитых кожаных и холщовых кошель, которые дьяки фасовали всю ночь.

По толпе прошел вздох.

Я вышел вперед, оглядывая эти суровые, бородатые лица. Говорить долго я не собирался.

– Православные! – мой голос разнесся над площадью, разрезая тишину. – Я много болтать не умею. Мы многое прошли, остановили вора, разбили воровских казаков. И те кто это сделал достойны награды.

Я кивнул Власьеву.

Дьяки и подьячие, начали выкрикивать имена, и к нам тут же поспешили люди.

Но я не остался стоять истуканом. Я взял несколько увесистых мешочков и сам пошел вдоль первого ряда.

– Держи, – я вложил кошель в широкую ладонь знакомого мне сотника по походу. – Честно заработано.

– Держи, брат, – протянул другому.

Стрельцы принимали деньги, взвешивали их на руке, слышали звон, и лед в их глазах таял.

Но главное было впереди.

Чуть в стороне, особняком, стояла группа женщин в черных платках и темных летниках. Вдовы и матери тех, кто не вернулся из похода. Рядом жались испуганные дети.

Я направился к ним. Гул за спиной стих. Стрельцы расступались, пропуская меня, и в этой тишине было больше уважения, чем в любом крике.

Я подошел к первой женщине – молодой еще бабе, с красными от слез глазами. Взял из рук подбежавшего дьяка особый, тяжелый кошель – там было пять рублей. Огромные деньги, цена новой избы или коровы с приплодом.

– Как звали мужа? – тихо спросил я.

– Иваном... – всхлипнула она.

– Добрый был воин, – я вложил деньги в ее дрожащие руки и накрыл их своей ладонью. – Не вернешь мужа серебром, знаю. Ничем не вернешь. Но знай, мать: князь помнит и земля православная помнит. И нужды вы знать не будете.

Я переходил от одной к другой. Вручал деньги, находил для каждой слово утешения, гладил по головам вихрастых мальчишек. Ком стоял в горле, когда я смотрел на них.

– Спаси тебя Христос, кормилец... – заголосила какая-то старуха, падая мне в ноги. – Отец родной... не бросил сиротинушек...

Женщины плакали, крестили меня.

Я обернулся к строю. Суровые мужики, сжимавшие бердыши, смотрели на это, и я видел, как меняются их лица.

– Слава князю Андрею! – гаркнул кто-то из задних рядов.

– Слава! – подхватила сотня.

– Любо!!! – заревела площадь.

И тут, в самый разгар этого единения, ко мне, расталкивая толпу и едва не сбив с ног зазевавшегося стрельца, пробился Елисей.

Вид у него был безумный: шапка съехала на затылок, кафтан расстегнут, лицо красное. Конь его, брошенный у края круга, стоял понуро, бока ходили ходуном, а пена капала с удила на землю – загнал он его знатно.

– Княже! – выдохнул он. – Немцы, наемники эти, опять в городе бузят!

– Ты откуда? – резко спросил я, наклоняясь к нему.

– С торга я, от Савки, – затараторил Елисей, сглатывая слюну. – Народ с Ильинки побежал, крик, шум! Купцы сказывают – наемники, пьяные в дым, двери в лавках ломают! Сукна тащат, бочки выкатывают! Кричат, дескать, царь Дмитрий им задолжал, так они теперь сами свое возьмут!

Он перевел дух, дико вращая глазами.

– Я сразу в Кремль помчался, думал, ты там, хотел предупредить! Влетел на двор, а дьяки на крыльце руками машут – уехал, мол, князь в слободу, к стрельцам. Я коня развернул – и сюда, во весь опор!

Я выпрямился чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. Оглядел площадь.

Тысячи вооруженных русских воинов. Лучшего момента не придумать. Судьба сама вложила мне меч в руки.

– Эге-гей, православные! Да что же это творится?! Мы тут землю свою бережем, кровь проливаем, а иноземцы наш город грабят?! Лавки наши рушат, жен пугают?!

Толпа глухо зарычала. Бердыши взметнулись вверх, сверкая на солнце лесом стали.

– А ну, айда за мной! – ревел я, запрыгивая в седло Черныша. – Поучим их уму-разуму! Объясним, кто в доме хозяин!

– Любо!!! – рявкнула тысячеголовая толпа, и от этого крика, казалось, дрогнула земля.

– Бей немцев!

Глава 6

Мы неслись по улицам Замоскворечья, и земля гудела под тысячами сапог.

Впереди, я на Черныше, а справа, стремя в стремя, держался дядя Олег. Лицо его было мрачнее тучи. Он то и дело оглядывался на ревущую лавину стрельцов за нашими спинами и недовольно качал головой.

– Не нравится мне это, Андрей! – прокричал он, стараясь перекрыть гул толпы. – Это не войско, это стадо бешеное! Спустили псов с привязи, как бы они нас самих не покусали!

– Не кусают, пока я их веду! – бросил я в ответ, хотя у самого кошки скребли на душе. Управлять этой стихией было все равно, что скакать верхом на лавине.

Слева и чуть позади плотным кольцом держались мои верные сторожа, среди них и Елисей на взмыленном коне, который с опаской поглядывал на стрельцов.

Мы с грохотом пронеслись по деревянному настилу моста, пугая редких прохожих, и ворвались в город.

Ильинка встретила нас хаосом.

Улица, обычно чинная и богатая, сейчас напоминала разворошенный муравейник. Пахло пролитым вином, дегтем и свежей кровью. Три дюжины наемников, обезумевших от пьянства и безнаказанности, превратили торговый ряд в руины. Они выбивали двери лавок, выкатывали бочки прямо в грязь, рубили топорами ставни, гогоча на своем лающем наречии.

Десяток стрельцов – караульных, что попробовали остановить это, были уже сбиты с ног и жались к стене церкви, из последних сил отмахиваясь от нападающих.

– Вот они, супостаты! – гаркнул кто-то сзади.

– Взять их! – заорал я, выхватывая саблю. – Не убивать! Живьем вязать!

Я пустил Черныша в галоп, врезаясь в эту кучу малу. За моей спиной, с ревом «Бей немцев!», хлынула стрелецкая лавина.

Наемники обернулись на шум, но было поздно. Красная волна кафтанов накрыла их с головой. Это была не битва – это был каток.

Кто-то из немцев, самый отчаянный, попытался ткнуть меня шпагой, метя Чернышу в грудь. Дядя Олег, оказавшийся рядом в мгновение ока, даже не замахаясь, с хрустом опустил ему на голову рукоять сабли.

– Лежать, падаль! – рявкнул дядя.

Наемник мешком осел в грязь, прямо под копыта.

Стрельцы, подогретые серебром и яростью, не церемонились. Они били древками бердышей, сбивали с ног, крутили руки так, что трещали суставы. По улице катались клубки тел. Визг, мат, звон.

Через минуту все было кончено, и на лицах не которых стрельцов была прям обида и можно было прочесть крупными буквами: и это все?

Немцы мычали, сплевывали выбитые зубы, но были живы – стрельцы знали свое дело туго.

Но я видел то, чего боялся Олег. Глаза моих воинов горели нехорошим, мутным огнем. Запах разгромленных винных бочек и вид распахнутых богатых лавок пьянил их похлеще медовухи. Толпа, смяв врага, по инерции качнулась дальше – к воротам, ведущим из Китай-города, туда, где за стенами лежали богатые слободы.

– Айда в Кукуй! – гаркнул рябой стрелец с окровавленным лицом, потрясая бердышом. – Там их гнездо! Выжжем осинник!

– Громи немцев! – подхватили задние ряды, которые даже не успели поучаствовать в драке и жаждали своей доли веселья.

Строй сломался. Люди потянулись к разбитым лавкам, кто-то уже тащил рулон сукна, валявшийся в грязи.

– Андрей! – крикнул Олег, перекрывая шум. – Упустим!

Это был тот самый страшный миг, когда государево войско превращается в банду мародеров.

– Стоять!!! – рявкнул я так, что в горле засадило.

Я рванул поводья, заставляя Черныша встать на дыбы, и бросил его поперек улицы, преграждая путь этой живой реке. Конь захрапел, роняя пену, его копыта ударили в мостовую перед самым носом передних.

Рядом тут же, плечом к плечу, встали дядя Олег, Игнат и Викша, обнажая сабли. Мы перекрыли улицу живой стеной стали и коней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.